

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ КОВАЛЕНКО

Председатель Харьковского городского
союза ветеранов Афганистана

Уважаемые читатели! Прошло... Нет, пролетело двадцать лет со дня окончания нашей войны в Афганистане.

Для истории — это мгновение. Для нас — это огромная часть жизни, которую каждый прошел по своему. Но, несмотря ни на что, мы остались верны боевому братству. Мы помним наших погибших друзей, и свято чтим память о них...

За эти годы в нашей стране выросло и стало самостоятельным новое поколение. Слава Богу, они знают о войне только из кинофильмов...

Я от чистого сердца поздравляю вас, боевые друзья, с юбилейной датой со дня вывода советских войск из Афганистана! Желаю вам здоровья и выдержки! А вашим семьям — мира и благополучия!

СОДЕРЖАНИЕ

▶ ДАТА	3
▶ РАБОТА С ИНВАЛИДАМИ	9
▶ ОДИН ИЗ НАС. НИКОЛАЙ ОВЧАРЕНКО	11
▶ МНЕНИЕ КОМАНДИРА	14
▶ ИСТОРИЯ	17
▶ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	21
▶ СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА	22
▶ АФГАНСКАЯ ВОЙНА	24
▶ СТАТЬЯ РЕДАКТОРА	30
▶ ФОТОРЕПОРТАЖ	32

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ХАРЬКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
СОЮЗА ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА
(воинов-интернационалистов)

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

Редакционная коллегия

Виктор КОВАЛЕНКО
Виктор БОРЗОВ
Геннадий ЛОМАКИН

Редактор

Николай ХОРОШЕВ

Дизайн и верстка

Пресс-служба ХГСВА

25

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Ответственность за достоверность информации несут авторы.

Материалы печатаются на языке оригинала. Редакция оставляет за собой право использовать их, редактировать и сокращать на свой взгляд.

Письма, рукописи, фотоматериал не рецензируется и не возвращается. Переписка с читателями только на страницах журнала.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал зарегистрирован в Управлении по делам прессы и информации Харьковской облгосадминистрации.

Свидетельство о регистрации
серия ХК №1142 от 18.04.2005 года

Издатель: Харьковский городской союз ветеранов Афганистана (в-и)

Адрес редакции:

Украина 61003 Харьков,
пер. Короленко, 19
Тел. (057) 731-11-19
Факс (057) 731-29-18
E-mail: hgsva@mail.ru
Интернет: <http://www.hgsva.tnss.kharkov.ua>

The address of edition of magazine «Internationalist»:
Ukraine
The Kharkov city union of veterans of Afghanistan
(soldiers-internationalists)
Lane Korolenko, 19
61003 Kharkov

При подготовке номера использованы фотографии пресс-службы ХГСВА, фотохудожника Леонида Куликова и из личных фотоархивов воинов-интернационалистов

ОБЛОЖКА:

1-я - 2-я — Карты Афганистана;
3-я — НАТО в Мазари-Шарифе;
4-я — Памятный знак открыт в Чугуеве.

Отпечатано:

в типографии «Золотые страницы»
г. Харьков, ул. Космическая, 26
Тираж: 3000 экз. Бесплатно

Андрей Стебелев

*... Мы ушли, бросив лезвия в мыльницу,
И кричали страницы газет:
«Вы ушли, потому, что бессмыслицей
Оказалась война этих лет!»*

*Мы ушли к опустевшим обителям
Перемалывать будничность дней,
Мы ушли... Как сказать нам родителям,
Потерявших своих сыновей?*

*Мы ушли, не простившись с душманами,
С этим стадом безмозглых овец,
Нас ушли... И зализывать раны нам
Постаревших до срока сердец.*

Прошло двадцать лет с того дня, когда последние части ограниченного контингента советских войск в Афганистане вернулись домой. 15 февраля 1989 года окончилась война, которую сейчас многие называют бессмысленной и даже преступной. Особенно стараются всех «изобличить» те, кто и духом не ведает, что такое – интернациональный долг. Можно сказать, что вопрос о «долге» спорный. Но в те годы государственная политика была именно такой, и не вина воинов-интернационалистов, что именно им пришлось платить своим здоровьем и жизнью за ошибки политиков – ребята честно выполняли свой воинский долг.

МЫ УШЛИ...

За два десятка лет существенно изменилось и отношение к «афганцам» — сегодня у страны появились другие герои, не всегда достойные этого звания. А я вспоминаю, как много лет назад мы, молоденькие девчушки, с трепетом взирали на двадцатилетних загорелых пареньков, прошедших Афган. На фоне нарядных «дембелей»-ракетчиков, «стройбатовцев», летчиков и танкистов — они все равно выделялись, ведь для нас они были не просто герои — это были люди, прошедшие войну, а значит, это

были настоящие Мужчины. Герои наших девичьих грез, которых мы хором провожали в армию, возвращались иногда искалеченными, и мы с молодым ужасом взирали на них, не понимая, что произошло. О моральных травмах, полученных этими парнями, мы тогда и не догадывались.

Забегая вперед, расскажу, как моя подруга, выйдя замуж за «афганца», стала не просто женой, а настоящей душеспасительницей. Ее муж сердцем так и остался «на той стороне» — ин-

... А они пришли...

теelligentный мальчик, идеалист, попавший на настоящую, а не «киношную» войну, просто сломался в мирной жизни.

- Он и сейчас по ночам кричит, скрипит зубами, все воюет, — говорит Галина. — Когда мы поженились, он первое время вообще избегал разговоров о службе, все держал в душе, только по ночам много курил, и иногда «до чертиков» напивался с друзьями. Меня немного обижало такое недоверие, и я настояла: «Поделись, легче будет, и вообще, я жажду захватывающих рассказов о войне». Вот тогда он и сказал, что захватывающего там ничего нет – пыль, жара, кровь, грязь и страх. Мой муж не может без содрогания вспоминать, как на его глазах разорвало двух ребят, а он чудом уцелел, как ему самому пришлось убивать людей... Хотя тяжелых физических ранений ему удалось избежать, в душе у него такая боль, что я иногда проклинаю тех, кто додумался восемнадцатилетних мальчишек бросать в такое пекло, где и зрелые мужики могут не выдержать... У нас уже взрослый сын, и папа его очень любит. Когда Макс хотел поступать в военный вуз, именно папа был против, потому что, хоть и живем мы в мирное время, все равно военная карьера – это карьера потенциального воина, которого могут убить и в мирное время. А папа сказал: «Хватит в нашей семье воинов».

И я с ним согласна.

... В те далекие годы тех, кто вернулся в цинковом гробу, хоронили без особого шума, но мы знали, что Афганистан забирает жизни наших потенциальных женихов. Хотя осознать это в полной мере, конечно, не могли. Непривычные грустные песни на «афганскую» тему под гитару нас мало трогали, если в них не было слов о любви – мы были слишком юными, и понятие «вой-

на» у нас стойко ассоциировалась с дедушкиными орденами, но никак не с соседскими пацанами, которые в детстве таскали нас за косички.

И лишь когда в Афганистане погиб брат моей одноклассницы, я вдруг впервые поняла, насколько дорог мне мой старший брат, и я во все не хочу видеть его героем чужой войны, и не нужно мне гордое звание сестры «афганца». И оказалось, я очень боюсь, что Сашка Нарушев из параллельного класса, по которому тайно вздыхала чуть ли не с начальной школы, вдруг попадет в Афганистан...

За десять лет с афганской войны не вернулось почти 15 тысяч ребят – чьих-то сыновей, мужей, женихов. Осталось 15 тысяч девушек и жен, не дождавшихся любимых. Тысячи нерожденных детей и сломанных женских судеб...

Я помню, как убивалась соседка, многодетная мать, родившая только одного мальчишка и рано потерявшая мужа. По-восточному возлагавшая на единственного в семье мужчину надежду на спокойную старость, она проводила сына в армию, устроив пышные проводы – ее мальчик, ее гордость попал в погранвойска. Охранять рубежи нашей Родины – это звучало совсем не грозно, ведь война – это где-то там, далеко, а наша Родина – мирная держава. Через полгода тете Бадише пришлось хоронить своего «единственного мужчину». И ей, полуграмотной казашке, было непонятно, почему в мирное время ее сын «погиб при исполнении служебных обязанностей», и почему ей, матери, не разрешили открыть гроб и поцеловать в последний раз сына? Похороны проводились в присутствии сотрудников районного военкомата и каких-то незнакомых военных «из области», которые уехали лишь после того, как вырос могильный холмик и местный мулла прочитал заупокойную молитву.

... Они пришли в Афганистан...

Ситуация изменилась с разгулом воинствующей гласности. Если раньше об афганской войне писали вскользь и как бы между прочим, то в конце 80-х прошлого века эта тема была, как бы сейчас сказали, топовой. Появились первые книги и фильмы про Афганистан, на телевидении впервые стали демонстрировать документальные кадры, иногда, что называется «без купюр».

Но шокирующие подробности афганской войны вовсе не сняли с воинов-интернационалистов ореол героев. Напротив, девушки идеализировали «афганцев», забывая порой, что человек, прошедший войну, имеет свои проблемы со здоровьем, иногда с психикой, и решать их придется вместе. На зависть подругам выйдя замуж за романтического героя-«афганца», молоденьким женам иногда приходилось сталкиваться с тем, что муж, оказывается, пьет, а друзья-сослуживцы — ближе жены и детей. И вообще, молодцеватый ухажер в медалях превратился в заурядного мужчину, который совсем не похож на того бравого «афганца», чье фото и сейчас стоит на столе...

Случаи разводов между романтично настроенными женами и не оправдавшими их ожиданий мужьями, увы, имеют место быть. Но, к счастью, наша женщина по сути своей не разрушительница, а уж о ее долготерпении и умении сострадать ходят легенды.

Сегодня воины-интернационалисты живут по принципу «помоги себе сам». Масса государственных программ по социальной защите участников боевых действий существует только на бумаге – на их реализацию банально нет денег. По-прежнему остро стоит жилищный вопрос, для инвалидов войны устроиться на работу – проблема почти неразрешимая, а перечень

льгот и социальных гарантий с каждым годом сокращается – государство постепенно снимает с себя ответственность за судьбы людей, которых на войну отправляла другая, несуществующая ныне страна.

Десять лет войны, закончившейся ничем. Ни победивших, ни проигравших. Да логического завершения той, искусственно развязанной, войны и не могло быть. В стране с чужими обычаями и менталитетом, где наши ребята честно воевали, и отдавали жизни за счастье чужого народа, которому, в общем-то, не нужны были ни это чужеродное счастье, ни эти жертвы. И единственно разумным, хоть и запоздавшим, было решение правительства – вывести войска с территории чужого государства, оставив за собой раздираемый гражданской войной народ, которому не удалось помочь.

«Мы ушли, - говорят сегодня «афганцы». - Мы ушли, потому что эта война была заранее обречена на неудачу. Мы заплатили тысячами жизней за этот безмерно дорогой урок».

Да, тысячи жизней – это непомерно дорогая цена за урок, который нам преподала сама история. И хотелось бы, чтобы политики о нем не забывали. С 15 февраля 1989 года прошло всего двадцать лет, участники афганской войны еще молоды и полны сил, и они не должны позволять политикам втравливать наш народ в новые конфликты. Чтобы не плакали матери, провожая сыновей на войну, чтобы не становились вдовами молоденькие девочки и сиротами - дети. Чтобы не приходили из армии мальчики с боевыми орденами, полученными на чужих войнах. И чтобы война никогда не пришла на нашу землю.

Ольга Попова

...И что изменилось?!

АФГАНСКИЙ СИНДРОМ НАВСЕГДА

Два десятилетия назад завершилась операция «Тайфун» — последний привет Советского Союза моджахедам перед выводом войск из Афганистана. А за год до этого Михаил Горбачев заявил о намерении закончить афганскую войну...

По данным самого экс-президента СССР, в десятилетней войне погибли более 14 тысяч военных, были ранены свыше 40 тысяч человек, а всего через Афганистан прошло больше миллиона советских солдат.

«Афганский синдром» стал отечественным аналогом «вьетнамского». Сейчас, кажется, схожие ощущения предстоит пережить тем, кто отправится укреплять ограниченный контингент американских войск по поручению нового президента Барака Обамы, который намерен покончить с Талибаном, доведя число военнослужащих в Афганистане до 30 тысяч человек.

Советский урок забыт. К сожалению, каждое новое поколение учится исключительно на собственных ошибках.

...А тогда у перевала Саланг, название которого знал любой школьник, прошедший через испытание политинформацией, советский контингент прикрыл свой отход масштабными бомбовыми ударами авиации примерно с таким же результатом, с каким Израиль уничтожил террористическую инфраструктуру в секторе Газа: рубили лес – и летели щепки. Некоторые аналитики утверждают, что за три дня операции погибло 1200 афганцев.

Но удивительно другое: две с половиной недели спустя вывод войск все-таки завершился. Хотя этого могло и не произойти. Сейчас, когда увидели свет записи заседаний Политбюро, сделанные партийными интеллектуалами той поры, полностью опубликованы дневники Анатолия Черняева (помощника М. Горбачева), стало известно, с каким трудом генсеку удалось протолкнуть это решение, положившее предел бессмысленным человеческим жертвам и безостановочной трате денег ради эфемерных геополитических целей.

24 января 1989 года, на второй день операции «Тайфун», свой тайфун в стакане цековской воды устроил министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе: «Наш уход будет расценен как крупное политическое и военное поражение».

Его поддерживает председатель КГБ Владимир Крючков, которому спустя два с половиной года предстоит возглавить путч. Резко возражает Александр Яковлев: «Я за то, чтобы наших там не было! Мы обещали своему народу, что похоронок больше не будет!». К этому мнению присоединяются Николай Рыжков и Михаил Горбачев, но с оговоркой, которая уже ничего не решает: «Все сделать, чтоб Наджиб (Наджибулла, вызывавший за помощью к Шеварднадзе и Крючкову – А. К.) продержался, сколько сможет».

Даже после вывода войск Наджибулла апеллировал к СССР – в марте он просил о бомбово-штурмовых ударах советской авиации. 10 марта на Политбюро

повторяется все тот же спор. Горбачев взрывается: «Пока я генсек, не допущу поправа слова, которое мы дали перед всем миром. Мы что, не знали, на что идем, когда решали выводить войска? Мы что, были уверены, что Наджибулла удержится?»

Авантюра, с которой можно было отсчитывать начало конца Советского Союза – конца экономического, морального, ментального, биологического, – завершилась. Горбачев сегодня не самый популярный политик. А между тем это его решение было свидетельством масштаба фигуры.

Представим себе на минуту, что тогда, два десятилетия назад, у руля государства находилось нынешнее «политбюро». Кто смог бы преодолеть химеру «геополитических», «национальных» интересов? Кто решился бы отказаться от «зоны влияния»? Кто привел бы простой и убийственный аргумент Александра Яковлева: «Ради чего?!» Так и продолжали бы ходить десятилетним маршем до Кабула, который совсем не похож на победоносный марш-бросок в сторону Тбилиси...

Кстати, в записях Черняева, относящихся к лету 1980 года, есть поразительный фрагмент, свидетельствующий о том, что незначительная часть войск была выведена уже тогда – после того как Георгий Арбатов прорвался к Андропову и Брежневу, пылко доказывая, что надо уходить из Афганистана. Какой из сегодняшних представителей «элиты» решился бы на такой смертельный для карьеры шаг? И стали бы его всерьез (!) слушать первые лица, не говоря уже о председателе КГБ-ФСБ?

И вот еще одно принципиальное отличие, выраженное во фразе Горбачева, которая выдавала в нем историческую фигуру: «Не допущу поправа слова». Это то самое «новое мышление», которое теперь забыто за давностью лет. И частью которого была забота о внешнем образе страны, в том числе замешанное на таком не свойственном сегодняшней российской дипломатии понятии, как честь.

«What if?» – «Что если?» – задавался таким вопросом один историк, написавший книгу о сослагательном наклонении, которого не знает история. Что если 20 лет назад качество высшей государственной элиты было другим и она была бы не способна преодолеть советские комплексы? Ведь и в самом деле в рамках геополитического мышления уход из Афганистана – катастрофа. Ведь геополитическое мышление, основанное на представлениях о зонах влияния и территориальном могуществе, унаследованном от имперской ментальности XIX века, не принимает во внимание такие мелочи, как человеческие жертвы. Они мусор истории, его пушечное мясо, солдаты империи...

Странно, что в сегодняшнее государственное мышление возвращаются представления и категории «догорбачевской эры». Безнадёжно устаревшие, как техника 40-й армии, последней покидавшей скучные ландшафты Афганистана ...

Андрей Колесников, руководитель Центра политической философии

КТО И КОГДА ИЗВЛЕЧЕТ УРОКИ ИЗ ИСТОРИИ?

20-летие вывода Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) из Афганистана - серьезный стимул для анализа уроков истории на фоне антитеррористической операции международных сил в Афганистане (ISAF, далее — ИСАФ). Определенная упрощенность изложения обусловлена стремлением не обронить основную нить рассуждений в нюансах и деталях.

Преследуемые ОКСВ и ИСАФ цели формально тождественны — стабилизация ситуации в Афганистане, поддержка для укоренения политически родственного режима в стране. Близка конфликтным содержанием социальная, политическая, религиозная, межнациональная, экономическая ситуация в стране пребывания. Сохранен главный мотив открытого и скрытого внутриафганского сопротивления — отторжение иностранного военного присутствия и центрального правительства, поддерживаемого «неверными». Практически не изменилась роль Пакистана в качестве тыловой базы сопротивления. Приближается к равенству срок пребывания на территории Афганистана ОКСВ (1979-1989 гг.) и ИСАФ (2001-2009). В принципе и результативность операций СССР и США немногим отличается, оценивая степень достижения обозначенных целей.

Однако кардинально разнятся международные параметры. Почти единодушное осуждение мировым сообществом ввода ОКСВ, дипломатические, экономические, гуманитарные репрессивные санкции на грани остракизма СССР и ДРА. Не умолчать и о латентной, но от этого не менее эффективной, коалиции государств во главе с США, оказывающей массированную, всевозможную поддержку на тот момент незаконным вооруженным формированиям (НОФ) антиправительственных мусульманских партий и организаций (АМПО) Афганистана.

Ситуация с ИСАФ иная, до наоборот. Полнейшие мировая поддержка и единоличная гегемония США, череда международных конференций, миллиардные донорские вливания в Афганистан. Если США и латентная коалиция значительно осложняли положение ДРА, СССР, ОКСВ в 1980-х гг., то сейчас у США отсутствует противодействующий межсистемный фактор. (Объективности ради отметим компенсацию дефицита межсистемного противостояния отсутствием подлинного единства в нынешней коалиции, особенно в отношениях между США и Англией, в частности в видении перспектив выхода из кризиса).

Нет у США и оснований для пропагандистских рассказов о «руке Москвы», о международном терроризме, как следствии «распространения коммунизма». Еще сложнее свалить «на Москву» причины появления движения «Талибан», «Аль-Каиды» с Усамой бен Ладеном, «джихада», гигантского увеличения производства наркотиков и пр. «неприятные» для США факты и явления, порожденные ими же в качестве противовеса СССР и ОКСВ. Но это уже сюжеты ответственности перед историей и народной мудрости о сеющих ветер, но пожинающих бурю.

СССР под прикрытием Женевских соглашений 1988 года вышел из афганского конфликта. США лишены такой возможности. Отсутствие реальных результатов в Афганистане урежет их гегемонию (в свое время СССР лишился ролей сверхдержавы и субъекта геополитики), «взорвет» однополюсный мир со значительным количеством «осколков», разлетающихся по планете новыми конфликтами. Возникнет большой вопрос о целесообразности существования НАТО в качестве коллективного гаранта американского «нового порядка» и мира во всем мире.

Несомненно, нивелируются миротворческие позиции ООН, усилятся роль международных исламистских организаций и интеграционные процессы в их среде. Ведь после вывода ОКСВ уверовали воинствующие исламисты в то, что террором и диверсиями можно побеждать и сверхдержавы.

Видимо, понимание глобальности последствий неудач движет США в поисках путей выхода из военно-политического кризиса как в Афганистане, так и вокруг него. Пунктирно обозначим некоторые, освещавшиеся ранее в журнале, предлагаемые способы и формы преломления ситуации, взглянув на них также через призму уроков истории.

1-2. Увеличение группировки войск и удары по тылам талибов и аль-каидовцев в Пакистане. Округленно к 50 тыс. контингента ИСАФ США планируют добавить еще 30 тыс. человек. Получается численность ОКСВ на январь 1980 г. Увеличение ее до 105 тыс. в 1985 г. к цели не приблизило. Генерал В. Варенников, руководитель оперативной группы МО СССР в ДРА в 1985-1989 гг. в своих мемуарах утверждает, что 40-я армия несомненно могла разгромить моджахедов, но «для этого потребовалось бы увеличить в три-пять раз количество наших войск и развернуть боевые действия авиации по базам и центрам подготовки отрядов оппозиции на территории Пакистана». «Уверен, — пишет Варенников, — что такая задача была бы выполнена успешно в течение нескольких месяцев. Но она вызвала бы больше жертв с обеих сторон, в том числе и среди мирного населения, а это не отвечало ни нашим интересам, ни интересам народа Афганистана».

Помнится, что, имея полумиллионный контингент, США не добились успеха во Вьетнаме в 1964-1973 гг. Нынешние ковровые бомбардировки афганских кишлаков создали такое напряжение, которого не было при ОКСВ, во-

евашем, по мнению многих афганцев, честно — «автомат на автомат». Следовательно, увеличением числа военнослужащих основная цель вряд ли достигается. Недавние случаи огневого воздействия ИСАФ по лагерям и базам в Пакистане мгновенно обострили двух- и многосторонние отношения. Поэтому, готовящаяся «Вазиристанская операция» еще неизвестно какого объема бумерангом вернется через «линию Дюранда».

3. Перевооружение, укрепление Афганской национальной армии (АНА). В отказе от адаптированной к геополитическим условиям Афганистана вооружения и техники России и Беларуси, навязывании стандартов, образцов США и НАТО видится стремление практических «янки», во-первых, «отбить» часть денег, выделяемых Афганистану. Во-вторых, задействовать старый колониальный метод управления — в случае непослушания заблокировать поставку запчастей и модернизацию. Не вызывает сомнений и противодействие Пакистана и других «соседей» Афганистана созданию боеспособной, современной АНА. Но самое главное — это также эскалация военного способа решения проблемы.

4. Замена лидера. В ряде работ о советской спецоперации отмечается, что замена Х. Амина с его азиатской харизматичностью на Б. Кармаля, таковой не имеющего, имела серьезные последствия. Даже при возрастающем сопротивлении Х. Карзая не критичному следованию в фарватере США, его замена чревата дополнительными расколами в афганской политической элите, которых и так предостаточно.

5. Создание отрядов ополчения. При этом ссылка идет на опыт деятельности подобных формирований в Ираке. Однако важно вспомнить опыт Саурского периода, когда ставка делалась на отряды самообороны, развитие милиционного сегмента вооруженных сил. Пропорционально росту числа отрядов увеличивалась численность вооруженных и подготовленных самооборонцев, пополнявших ряды НВФ.

6. Укрепление местных органов власти. Ряд авторов, выделяя уроки спецоперации СССР, указывают на важность (после разгрома НВФ) незамедлительной передачи власти гражданским администрациям. Как известно, опыт насаждения на местах организационных ядер из посланцев Кабула успеха не имел, особенно в кишлачной зоне страны. За 9 лет в долине реки Панджшер ОКСВ провел 12 операций, но оргядра так и не закрепились, выдавливаясь или уничтожаясь НВФ сразу после ухода войск.

7. Максимизация миротворческой отдачи традиционных мер по умиротворению конфликта. Международная конфликтология в качестве завершающей стадии конфликта рассматривает шестую фазу — фазу урегулирования через постепенную деэскалацию, снижение уровня интенсивности, поиск взаимных компромиссов, переоценку и корректировку национально-государственных интересов. (Однако трудно найти компромисс в борьбе за власть, тем более при кардинально разном ее понимании лидерами основных группировок — светская или шариатская форма).

Предлагаются в качестве средств и способов воздействия на конфликтные ситуации три модели урегулирования конфликта: гегемонистская, статусная и ролевая, дипломатические, юридические, экономические, гуманитарные, морально-психологические, военно-силовые меры как поощрительного, так и репрессивного характера. Вряд ли будет ошибкой утверждение об апробированности почти всех мер в Афганистане.

8. Поиск нетрадиционных способов выхода из кризиса. Нет недостатка в понимании отсутствия стабилизирующей перспективы при военном варианте решения афган-

ского кризиса. Это доказала спецоперация СССР. Отсюда предостаточно заклинаний о необходимости поиска и реализации «нетрадиционных» решений. Зададимся банальным вопросом: «А каких таких «нетрадиционных» решений, планов и вариантов, способных преломить ситуацию в Афганистане и вокруг него?»

Полное единодушие в ИСАФ и единодействие мирового сообщества невозможно без ущемления «руководящей роли» США, что и стало бы нетрадиционным вариантом. Они, естественно, на это не пойдут. Стремясь не утратить единоличную гегемонию, США «не одобряют» стремление ШОС и ОДКБ к повышению активности и эффективности соучастия в умиротворении в Афганистане. Западный менталитет и мышление не в состоянии всеобъемлюще адекватно охватить весь комплекс афганских проблем. Схожую с Афганистаном социопсихологическую основу имеет Иран, который на общности мог бы сыграть эффективную роль в восстановлении и модернизации Афганистана. Однако американская «аллергия» на Иран, возникшая еще в феврале 1979 года и усиленная нынешним иранским президентом, делает проблематичной реализацию и этого варианта. Далеко он от воплощения в практику с учетом противодействия Пакистана и других государств. Не промахнуться бы США опять. Ведь на весах более значительные вещи, чем компромиссы с ШОС, ОДКБ, Ираном.

Возвращение к монархии, восстановление лидирующей роли пуштунов? Каким способом?

Анализ содержания немногих научных, мемуарных работ, выделяющих некоторые уроки военно-политической спецоперации СССР в Афганистане, свидетельствует о детальном освещении военного параметра и фрагментарном — международного и политического. Это не случайно. Все чаще в мировых СМИ звучат сюжеты о неучтенных США «советских ошибках». Что это, безответственное отношение к урокам трех англо-афганских войн и советской спецоперации? Но известен возросший интерес Пентагона к боевому опыту ОКСВ.

Все значительно проще и сложнее в фокусе диалектического взгляда на проблему. Человечество не научилось и не умеет жить в мире. Из минувших войн, конфликтов извлекали и извлекают уроки, в первую очередь прагматичные военные, усовершенствуя механизмы и инструментарий уничтожения противника.

А на периферии остаются проблемы предотвращения войн и вооруженных конфликтов, разблокирования, локализации и умиротворения возникших, поддержания и упрочения мира. В подтверждение достаточно сопоставить объем разработок двух наук — полемологии (теория войн) и паксологии (теория мира). Афганистан, к сожалению, не стал исключением. Однако даже полный разгром талибов, «Аль-Каиды», поимка ее главаря совсем не будет означать победы над терроризмом в любых других измерениях, кроме краткосрочного военного. Остаются нетронутыми донные, залегающие в пластах веков, социально-экономические корни. Они питают международный терроризм, воинствующий исламский фундаментализм, нарко-терроризм.

Так учит история чему-нибудь и кого-нибудь? В свете изложенного — вопрос скорее риторический, к сожалению. Главная причина в агрессивном мышлении, видящем путь к умиротворению через уничтожение противника, его капитуляцию и закрепление победы, достигнутых политических целей в мирном договоре. Кроме этого «классического» решения задач, почти не просматриваются иные варианты. Ускорение их поиска и реализации — проблема актуальная не только для Афганистана.

Анатолий Костыря, Афганистан.Ру

3 декабря во всем мире отмечают День людей с ограниченными физическими возможностями — Международный день инвалидов.

СПАСИБО, ЧТО МЫ ВМЕСТЕ!

В этот день не принято поздравлять инвалидов с так называемым праздником — это не уместно. Но вспомнить, дать оценку своей работе и действиям государственных властей, думаю, будет правильно. В этот день, как в никакой другой, мы пытаемся дать отчет себе и обществу о том, что сделано и что предстоит сделать для того, чтобы эти люди не чувствовали себя ущербными, одинокими, не нужными. У них очень много проблем, решение которых во многом зависит как от самих инвалидов, так и от органов государственной и исполнительной власти. На сегодняшний день внедряется в жизнь программа «безбарьерной» доступности, где инвалиды-колясочники могут добираться во все им необходимые места, а значит и полноценно жить в обществе...

Свою статью начну с впечатлений, полученных инвалидами в Международный день людей с ограниченными возможностями. Теплая встреча инвалидов первой группы состоялась в кафе «Босфор» 3-го декабря 2008 года. За дружеским столом ребята со своими семьями имели возможность обменяться жизненным опытом, поделиться знаниями и просто увидеть друг друга, что для них немаловажно. Как рады были этой встрече был Валерий Туралетов, Михаил Ерохин, Баходир Равшанов, Андрей Бессонов, Владимир Замостяный и другие! Это те ребята, которые без посторонней помощи не имеют возможности даже выйти из дома, а порой месяцами, кроме четырех стен своей комнаты, ничего не видят.

Анатолий Шевчик, делаясь своими впечатлениями, сказал, что вот так, вместе со своей супругой Светланой, сидит впервые за многие годы и это вдвойне ему приятно, ведь вспоминая самих инвалидов, мы зачастую забываем про их семьи, жен, детей. А в этот знаменательный день, с помощью наших волонтеров (тоже инвалидов) Валерия Вербицкого, Валерия Боева, Александра Шумакова, Михаила Седых к месту встречи были доставлены наши колясочники.

Начальник городского управления труда и социальной защиты населения Светлана Горбунова-Рубан, председатель Харьковского городского союза ветеранов Афганистана Виктор Коваленко приветствовали наших боевых товарищей, желали крепкого здоровья и успехов в решении личных проблем. Каждому инвалиду они пообещали личную поддержку. Светлана Александровна рассказала о проекте «инватакси» — такси для инвалидов-колясочников, которые заказав услугу заранее, могут спокойно добраться до больницы или в другое, нужное им, место. А Владимир Гомозов сообщил, что он уже пользуется этой социальной услугой и поделился с ребятами, как это осуществить на практике.

Много теплых слов и заверений во всеобщей поддержке было сказано и первым заместителем председателя ХГСВА Виктором Борзовым и советником пред-

седателя по работе с инвалидами Сергеем Неждановым, и Верой Жулай — нашей мужественной женщиной, стоящей на защите финансовых интересов организации, и Татьяной Новохацкой — мамой погибшего, которая по сей день, не смотря на свои душевные раны, приносит радость и помощь другим людям.

От себя лично хочу выразить большую благодарность всему коллективу ХГСВА. Ведь без дружной, спаянной команды не было бы праздника. Благодарен я и нашим женщинам, женам наших инвалидов, которые не смотря на все трудности, ухаживают и помогают выживать нашим ребятам.

К тем ребятам, которые по своему состоянию здоровья не имели возможность присутствовать на этой встрече были организованы посещения на дому, вручены продуктовые наборы. Здесь особенно хочется поблагодарить наших спонсоров, ведь без их участия не было бы ни вечера, ни встреч.

Будучи сам инвалидом, я трепетно отношусь к различным проблемам своих боевых товарищей. Кто-то ведь и не представляет, что такое находится одному в четырех стенах, не иметь возможность полноценно жить, не видеть месяцами людей, улицу, город. Лично я сам это пережил, когда на протяжении нескольких лет, кроме больничной койки, ни чего не видел. И сейчас, имея возможность помочь нашим ребятам, я с удовольствием это делаю.

В дни рождения наших боевых товарищей всегда организовываются дружественные встречи. Команда городского союза ветеранов Афганистана недавно посетила на дому и Михаила Ерохина, и Георгия Дьяченко, и Григория Скрипку. Все эти встречи были с душевными беседами, воспоминаниями о службе... В общем, всем было тепло и уютно. Еще раз хочу поздравить ребят с днем рождения, а Дьяченко Георгия Яковлевича — с 75-летним юбилеем...

Вечером, после встречи в «Босфоре», почти все инвалиды-«афганцы» первой группы звонили мне и благодарили за такие встречи, выражали желание и в дальнейшем собираться с семьями, по-домашнему,

чтобы завязывались знакомства и личная дружба, богатый обмен жизненным опытом и многое другое.

«Спасибо!»: говорили мне ребята. И это лучшая награда за работу отдела по работе с инвалидами и всего коллектива ХГСВА.

Оказывать бескорыстную помощь другим людям под силу не каждому, и здесь замечая промысел Божий. Слышал много высказываний, учений и много другого, но скажу от себя: самое большое наслаждение в жизни — это оказать посильную помощь своему товарищу. Здесь не надо быть богатым, миллионером, или, как сейчас модно говорить, «крутым». Просто приди, поговори, поддержи морально, а может быть и «какую-нибудь копеечку» подкинь, если есть, дай дельный совет, и вот уже твой товарищ ожил, воспрянул духом. А может быть завтра он и тебя поддержит. Ведь это наша жизнь.

Скажу о себе: я ведь тоже живу, фактически, на одну пенсию. Но помогая другим по очень разным вопросам, вижу радость в глазах своих товарищей, и это помогает мне жить дальше. Быть полезным другим — это очень важно! И жизненных сил становится намного больше! А все блага цивилизации, если они приносят радость только тебе, на пользу не идут, и перед Богом, смертным одре, будет все равно «сколько добра ты нажил».

Считаю, наше добро и богатство — наши дети и наша память. И с этой точки зрения много теплых слов могу сказать всем тем, кто принимает участие в работе молодежной организации нашего городского союза, помогает детям реализовать себя в этой жизни.

Писать статьи меня не учили, но, когда пишу, сказать всегда хочется очень много. Например, про ор-

ганизацию и проведение фотовыставки «Вахта памяти. Афганская война», организованная и проводимая, инвалидом войны II-й группы Игорем Землянским. Недавно она прошла в Харьковском национальном медицинском университете и во Дворце Спорта.

Еще несколько слов о научно-практической конференции, организованной Харьковским областным союзом ветеранов Афганистана 26 декабря 2008 года. Особое внимание здесь было уделено посттравматическому синдрому. В своем выступлении Сергей Нежданов говорил: «...наша повседневная жизнь свидетельствует, что с годами участники боевых действий все чаще и острее испытывают последствия психологических и физических нагрузок и травм, полученных ими в период участия в боевых действиях. И при отсутствии системы реабилитации, последствия посттравматического синдрома, уже через 7-10 и более лет после окончания войны, приводят к инвалидизации участников боевых действий. И в связи с этим, мы наблюдаем ежегодный рост числа инвалидов в наших рядах». Огромное значение С. Нежданов придает роли общественных организаций в правовой и социальной защите своих членов, а также их социальном сопровождении на пути решения тех или иных проблем.

Приближается 20-я годовщина вывода Советских войск из Афганистана и 5-я годовщина учреждения государственного праздника «День чествования участников боевых действий на территории других государств». Хочу пожелать своим побратимам достойно прожить наступивший год, иметь крепкое здоровье и финансовое благополучие!

Геннадий Ломакин

Уроженец г. Горловка Донецкой области. Окончил Артемовский индустриальный техникум. После его окончания, в октябре 1980 года, был призван на срочную службу в ряды Советской армии.

С детства хотел попасть служить в ВДВ. Это была его детской мечтой. И она осуществилась!..

Человек, о котором мы рассказываем вам, дорогие читатели, не нуждается в представлении в среде участников боевых действий. Его знают не только в Харькове. Его имя уже вписано в историю...

ОВЧАРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, ВОИН-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МОСКОВСКОГО РАЙОННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ХАРЬКОВСКОГО ГОВОДСКОГО СОЮЗА ВETERANОВ АФГАНИСТАНА

Путь в Афган

«Учебку» проходил в Литве, в медико-санитарном батальоне. Когда к нам в часть приехали «покупатели» из Афганистана, которые рассказали нам о прекрасной жизни там, то шестеро ребят согласились.

Я попал в 350-й парашютно-десантный полк, так называемый, всем известный «полтинник». Стояли мы в районе аэродрома Кабул. В нашу задачу входила охрана аэродрома, патрулирование города. Довелось охранять резиденцию маршала Соколова. Но мне, как довольно опытному санинструктору, часто приходилось выезжать на боевые задания и с другими подразделениями. Поэтому у меня выходы на боевые операции начались несколько раньше, чем у моих сослуживцев. Всего же на моем счету более 60 «боевых».

Первый раненый санинструктора Овчаренко

Первым моим раненым оказался сержант, который подорвался на минном поле. Ему оторвало ногу. Уже позже, когда я вернулся домой, стал задумываться, а не было ли это каким-то предзнаменованием. Ведь мне в последствии пришлось оказаться на его месте. Было ли у меня в тот момент чувство страха, растерянности? Но, как это парадоксально ни звучит, никаких чувств не было вообще. Была единственная мысль — раненого надо как можно скорее вытащить с минного поля. К тому же раненый сержант был не из нашего подразделения, и уже после боя наш командир устроил мне взбучку, за то, что его подразделение запросто могло остаться без санинструктора.

Первая медаль «За отвагу»

Это была операция в Черикаре, долина Трех Львов. Мы прикрывали вход в Панджшерское ущелье. Наша рота шла в разведдозоре, обеспечивая проход основного подразделения. Обычно санинструктор подразделе-

ния во время боевых операций идет рядом с командиром роты — это своего рода его телохранитель. Так меня воспитал мой командир, такого правила я и придерживался до конца службы.

Внезапно мы нарвались на засаду, завязался бой, и в ходе боя получилось так, что я оторвался от своего подразделения. Ну, собственно говоря, мне деваться было некуда, я лежал на открытой местности. К счастью, впереди оказался небольшой арык, и я смог в него скатиться. В результате, я оказался метров на 20 впереди роты. И противник меня не обнаружил. Зато я обнаружил душманов, которые вели огонь по нашей роте. К тому же моя позиция для ведения огня оказалась очень удачной, и... я уничтожил их огневую точку.

Потом уже услышал крики: «Где санинструктор!?!», «Срочно сюда санинструктора!» - оказалось, наш сержант получил ранение. Я бегом вернулся к своей роте и занялся выполнением своих обязанностей: оказывал помощь, обеспечивал эвакуацию раненого.

Но мой поступок был оценен командиром подразделения. Я был награжден боевой медалью «за отвагу».

Потом были еще долгие месяцы службы, было еще много разного и интересного, все это за день раз не расскажешь.

Вторая медаль «За отвагу»

Последний боевой выход 10 сентября 1982 года — «второй» Панджшер. Эта была сложная боевая задача. Приходилось покорять вершины Гиндукуша, причем в самый жаркий период года. И как-то случилось так, что наше подразделение оказалось и без командира роты — в тот момент он был отстранен, и без командиров взводов — они получили ранения. Поэтому замкомвзводов, сержанты, автоматически приняли на себя командование, мы успешно выполнили боевую задачу, в ходе которой нам пришлось штурмовать высоту 4 200 м.

Сначала предполагалось, что наше подразделение должно справиться с поставленным заданием в течение суток. Но на деле вся операция затянулась почти на четверо суток, а запас еды и воды мы взяли на сутки. Нам пытались сбрасывать продукты с вертолета, но из-за особенностей местности все эти попытки окончились неудачно. Во-первых, очень разреженный воздух на этой высоте, поэтому подлететь было очень сложно. А во-вторых, все, что нам сбрасывалось, или разбивалось, или скатывалось вниз. Выручал ремень, это растение прекрасно утоляет жажду, и частично — голод. Ну, а когда поднялись к подножью ледника, топили снег.

Впереди нас оказалась хорошо укрепленная позиция «духов» — дот. Пулеметчик сидел на самой верхней точке и держал круговую оборону. Он вел огонь и по нашему подразделению, и по соседней роте. Поскольку наше подразделение, как я уже говорил, осталось без офицеров, и у нас было много молодых бойцов, то было принято решение силами двух опытных сержантов — меня и моего второго номера — провести разведку, проверить подходы к этой точке. И так получилось, что во время этого разведдозора нам удалось эту огневую точку уничтожить. За проведение этой операции я был представлен ко второй медали «За отвагу», которую получал уже в госпитале.

Последняя боевая операция.

Ранение. Орден «Красной Звезды»

Я надеялся, что это будет моя последняя боевая операция, и фактически, так и получилось. Когда все произошло, мне оставалось 17 дней до приказа. У нас уже была готова парадная форма одежды.

Наше подразделение больше месяца принимало участие в боевых действиях. Был получен приказ выходить из зоны боев, и наше подразделение начало выход из Панджшерского ущелья. При этом на одном из участков нам надо было проходить через минное поле. Вышли мы рано утром, часов в пять. У нас был сопровождающий. Шли по тропе. Прошли уже довольно много — на минное поле успели втянуться человек 40. Я шел в цепи пятым по счету. Впереди шли сопровождающий, командир роты, командир подразделения и связист. И вот как раз идущий впереди связист подорвался на mine — вероятно ночью душманы успели заминировать этот проход. Связисту оторвало ногу, командир роты получил осколочное ранение. Я сразу оказал раненому первую помощь, и встал вопрос, как выносить раненого с минного поля. Была тропа, по которой мы прошли, но на ней стояла цепь солдат. Саму тропу перегородил раненый связист, а его надо было как-то поднять, положить на плащ-палатку и передать по цепи. Прodelать все это, не сходя с тропы, было невозможно. Поэтому, когда я поднял раненого, сделал один шаг, второй, то третий оказался моим последним.

Ранение было очень тяжелым, одну ногу оторвало практически полностью, осколочные ранения лица и рук.

И уже после госпиталя, дома, на День Победы, мне вручили за эту операцию орден «Красной Звезды».

Жизнь после Афгана. Необычный абитуриент

После довольно длительного лечения я вернулся домой, на Донбасс. Работал инженером-конструктором на пивзаводе. И вскоре стал задумываться о том, что надо идти куда-то учиться, тем более в те годы «афганцам» в вузы была открыта широкая дорога. Выбор вызов был большой, но меня всегда тянуло получить профессию юриста.

Я начал готовиться к поступлению. Но сначала, это был, кажется, конец октября, я решил сперва съездить, посмотреть на будущее место учебы. Приехал в Харьков, нашел юридический институт, походил по этажам и случайно набрел на приемную ректора. И тут мне пришла в голову идея попасть к ректору на прием. В приемной меня выслушала секретарь, видимо, удивилась и посоветовала прийти в приемные дни. Я, собственно, не обиделся, вышел из приемной, а так как находился много и нога на протезе уже начала побаливать, сел отдохнуть.

И тут из приемной выходит человек, в руках у него даже не палочка, а такая аккуратная тросточка. А я за два года инвалидности уже мог определить, как бы человек хорошо не ходил, на протезах он идет или нет. Человек этот проходит мимо меня прихрамывая на левую ногу, и у меня неожиданно вырывается мысль вслух: «Коллега!»

Мужчина с тросточкой остановился, повернулся ко мне и спрашивает: «Молодой человек, а каким образом — коллега?» Я говорю: «Вы извините, это были просто мысли вслух. Вы, конечно, очень хорошо ходите, но я вижу, что у вас нет левой ноги. У меня тоже нет левой ноги».

Он присел рядом, поинтересовался как я потерял ногу. Я рассказал. Он спрашивает: «Вы студент наш?» Я отвечаю: «Нет, еще не студент. Собираюсь поступать на следующий год. Приехал посмотреть ваш вуз. Хотел попасть на прием к ректору. Думал, познакомлюсь, поговорю, по простоте своей душевной». «И что?» «Не пустили...» «Не пустили?» «Да, не пустили. Сказали, приезжай на будущий год». «Ну ладно, пойдем.»

И вот мы с ним встаем, проходим в приемную, идем мимо секретарей, заходим в кабинет ректора... И тут я понимаю, что это и есть сам ректор. Тогда ректором юридического института еще был Маслов Василий Федорович — уникальный человек, фронтовик.

Мы с ним тогда засели в кабинете часа на полтора, переговорили на многие темы. На прощанье он мне ска-

зал: «Когда на следующий год поступишь, обязательно зайди ко мне».

Так что пришлось не подвести и поступить.

К Олимпийским вершинам

Путь к спорту у меня пролегал через адвокатуру. По роду своей деятельности мне часто приходилось бывать в командировках. Однажды, я вылетел в Свердловск, и вот уже там, на месте, мне неожиданно стало плохо – сказались последствия того ранения, в частности, черепно-мозговой травмы. Я потерял сознание, была остановка сердца, остановка дыхания. Очнулся я только в скорой помощи. Потом мне долго пришлось проходить обследование, сперва в Свердловске, потом у нас в Харькове, в институте неврологии. И в институте медики мне дали понять, что если я хочу остаться в живых, мне надо в корне поменять образ жизни: меньше перегрузок, больше внимания уделять своему здоровью, бросить курить и заняться каким-то легким видом спорта.

Я еще до этого пытался совмещать адвокатскую работу с занятиями спортом, но после этого решил сделать выбор в пользу спорта. И, по времени, это как раз совпало с моментом учреждения в нашей стране такой организации, как «Инваспорт».

Я перепробовал себя в нескольких видах спорта, но по состоянию здоровья мне больше подошел биатлон. На лыжах я, даже на протезе, стоял неплохо. Кстати, я еще во время учебы в институте сдавал зачет по лыжному кроссу. Преподаватель физкультуры просто был не в курсе, что я инвалид и как-то раз сделал мне замечание: «Молодой человек, а почему это вы не принимаете участие в лыжном кроссе? Вы что, не собираетесь сдавать зачет?» Я отвечаю: «Да я с удовольствием!» И сдал зачет, нормально уложился во время. Это потом уже преподавателю сказали, что этот парень без ноги и от физкультуры освобожден. По-моему, он был в шоке.

Занятия этим видом спорта совпали с подготовкой к олимпийским играм в Японии в Ногано. Но главной спортивной вершиной, которую я планировал покорить, стала олимпиада в Америке – Солт-Лейк-Сити.

Между этими олимпийскими играми я стал чемпионом Европы, чемпионом мира, добился больших успехов, и многие специалисты были уверены, что я могу претендовать на золотую олимпийскую медаль. Но вмешалась своя спортивная политика.

Дело в том, что при подготовке к таким серьезным соревнованиям, как олимпийские игры, на спортсменов ложится сумасшедшая нагрузка. В том числе и на инвалидов. Чтобы мы окончательно не угробили свое здоровье, медики постоянно старались нас поддержи-

вать. Нам давали витамины, ставили капельницы после каждого соревнования спортсмен обязан сдать допинг-контроль. После чемпионата Европы я этот анализ тоже, как и все, сдал этот анализ. Сдал и забыл.

Обычно результаты допинг-контроля, особенно если он положительный, оглашаются сразу. А тут, видимо, было решение подождать, посмотреть на мои результаты. И вот, спустя пять или шесть месяцев, перед самой отправкой на адаптацию в Канаду, объявляют результаты: допинг положительный. Председатель параолимпийского комитета Валерий Сушкевич принимает решение: лететь и готовиться в Олимпиаде.

Но это было уже не то, чтобы вы поняли, есть такое понятие: «Спортсмен перегорел». Так вот, я перегорел. И тогда, когда меня не пускали в олимпийскую деревню, потому что меня не было в списках участников. И тогда, когда все спортсмены тренировались на трассе, где будут проходить соревнования, а я пытался тренироваться где-то рядом, на непригодной для этого местности.

Поэтому, когда результаты допинг-контроля были опровергнуты, я уже находился не в той физической форме. В результате мне досталась лишь бронзовая медаль. А «золото» увез американец. Который, кстати, ни до этой олимпиады, ни после нее никаких выдающихся результатов в спорте не показал.

Конечно, было обидно, но я не жалею о своей спортивной жизни. Она дала мне многое.

Об общественной работе

В общественную жизнь я втянулся еще со студенческой скамьи. Хотя нет, наверное еще раньше – в Ростовском окружном госпитале. Там мне пришлось выбивать инвалидные коляски для тяжелораненых. Раненые месяцами лежали в палатах, не видели свежего воздуха. А коляски были настолько убитые, что на них было просто небезопасно передвигаться. Так что пришлось поговорить с начальством. Получалось. Я на свое гнойное отделение тогда выбил аж две абсолютно новых коляски.

Позже, когда мне предложили возглавить организацию Московского района, я не колеблясь, согласился. Потом было много нового и интересного: музей, театр. Но об этом, журнал «Интернационалист» уже рассказывал, поэтому особо распространяться не буду.

О «двадцатке»

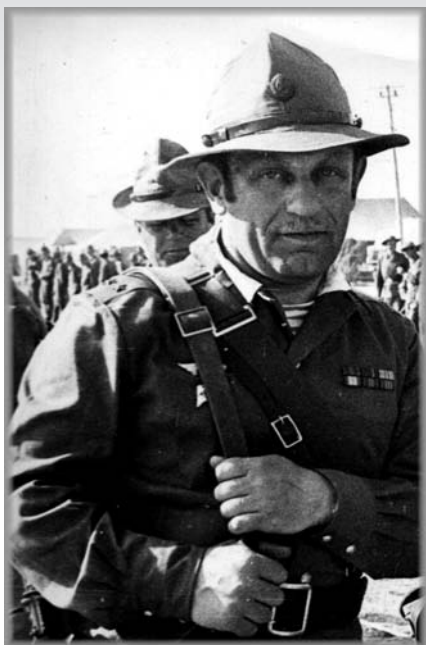
Афганское движение – это очень важно. Сейчас многие задумываются о том, какими же мы были двадцать лет назад? Двадцать лет назад мы были классными... Но сейчас мы стали еще лучше!

Так что желаю всем читателям оставаться верными себе и своим идеалам той поры — двадцать лет назад.

Беседу вела Виктория Степкова

Фотографии предоставлены Николаем Овчаренко

Представляем нашего собеседника: полковник Ядршныков Михаил Викторович родился 27 февраля 1947 года в Челябинской области. В 1965 году закончил школу и поступил в Благовещенское танковое училище. Потом служил на Дальнем Востоке. В 1977 году поступил в бронетанковую академию. После завершения обучения в академии по распределению попал в Украину, в Прикарпатский военный округ.

С декабря 1981-го по август 1984 года служил в Афганистане.

Награжден орденом Красной Звезды. После Афганистана проходил службу сначала в Днепропетровской области, а затем в Чугуеве (в Башкировке). Работал военком Киевского района г. Харькова. Окончил Харьковскую юридическую академию.

С декабря 1996-го по март 1997 года принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

БОЕВОЕ БРАТСТВО – ЭТО НЕ ПРОСТО СЛОВА

В первые дни пребывания в Афганистане я понял, что значит настоящее боевое братство, и среди офицеров, и среди солдат. Там запросто можно было положиться на простого солдата, зная, что он не подведет в трудную минуту. Хотя, конечно, в Афганистане, как и везде, люди были разные. Было много хороших надежных товарищей, но встречались и, грубо говоря, подонки.

В моей памяти навсегда остались самые острые ощущения Афганистана — это моменты, когда шел в бой... Я принимал участие в двух Панджшерских операциях. В первой принимал участие в должности начальника оперативного управления дивизии, а во второй — уже в должности командира полка. И каж-

дый раз, когда выходил на боевую операцию, закрадывалась мысль: «Удастся ли вернуться назад живым?»

Что бы не говорили, страх все равно был. Помню, когда прилетел мой сменщик, командующий сказал, что я еще месяц буду его «натаскивать». Но я прямо заявил: «Все. Больше не могу, отпускайте меня»...

Об ветеранском движении

Сегодня я сразу вижу разницу между теми, кто прошел Афганистан и теми, кто там не был. Это — небо и земля. Боевое братство — это не просто слова. Те, кому пришлось пройти Афганистан, всегда поймут и поддержат друг друга.

Но в общественном движении «афганцев» я не принимал непосредственного участия, просто состоял на учете в своей Чугуевской районной организации. Почему так получилось? Не знаю, наверное, просто не сложилось. А может и из-за того, что я видел людей, которые, прикрываясь своим боевым прошлым, просто «набивали» свои карманы.

Хотя принять участие в каких-то мероприятиях я никогда не отказывался.

Если говорить вообще об общественных организациях, то они, конечно же, нужны. Районные, городские, областные организации должны знать всех «афганцев» района, города или области, не зависимо от членства. На мой взгляд, районная общественная организация должна взять на учет всех «афганцев» своего района, и не делить их на активных и пассивных. Нужно общаться с ними, интересоваться их нуждами, и по возможности, помогать. Не обязательно материально. Допустим, председатель районной организации, зная, что у него в районе проживает некто Петров, которому нужна помощь, может помочь ему попасть на прием к председателю райгосадминистрации или горадминистрации, отстаивать его права.

Хотя, конечно, бывают и такие члены организации, которые не ходят ни на одно мероприятие, на все обращения отмахиваются: «Да пошли вы...» А потом, когда, припечет, прибегают и требуют, чтобы им помогли. Я бы, в таком случае, хоть это и грубо звучит, ответил бы тем же самым: «Да пошел ты...» Где ты был раньше, пока все было хорошо? Когда все работали? Грубо, но честно...

Когда я работал военкомом, ко мне на прием приходили многие воины-интернационалисты. Но я, например, не считаю «кубинцев» участниками боевых действий, потому что там за всю их службу ни одного выстрела не было, не говоря уже о реальных боях. Один такой «участник боевых действий» мне жаловался: «Вот, я на Кубе все зубы потерял». На что я ответил: «Меньше надо было бананы жрать и ром пить!»

Я понимаю «вьетнамцев», «корейцев», «египтян» — они действительно воевали. Но «кубинцев» категорически не признаю в качестве участников боевых действий.

О миротворцах

Что касается современных миротворцев, то они идут на военную службу добровольно, по контракту. Будучи военкомом, я сталкивался с миротворцами: мне приходилось принимать участие в формировании частей для отправки за границу. И по поводу этих бойцов могу сказать следующее: они идут служить за границу не потому, что им Родина приказала, а потому, что они хотят денег заработать.

К тому же, миротворцы не принимают непосредственное участие в боевых действиях. Их задача — находиться между двумя противоборствующими силами, сдерживать их и не допускать конфликта. Но не воевать.

Поэтому я, как юрист, утверждаю, что придание миротворцам статуса участников боевых действий — незаконно. Это — ошибочный шаг со стороны нашего государства. Нельзя уравнивать в правах тех, кто призвался и прослужил под пулями в Афганистане, и тех, кто по контракту, за деньги поехал обеспечить порядок за границей.

О контрактной службе

Контрактная служба — это, разумеется, хорошо, и это правильно. Но я категорически против той формы контрактной службы, которая существует в наши дни. Как можно пацана, не служившего в армии, сразу после школы, брать на службу на контрактной основе? Какой из него профессионал?

Если ты хочешь пойти в армию на контрактной основе сразу после школы, после училища или после вуза — а первый контракт заключается сроком на три года — то тебя надо на первый год службы направить в учебку для приобретения хотя бы минимальных навыков армейской службы. А уже потом контрактник будет совершенствовать свои знания, получать опыт. И только при таких условиях, к концу третьего года, он, может быть, станет настоящим профессионалом. А то, что происходит у нас сейчас, контрактной службой назвать нельзя.

Вот простой пример. В 2006 году набрали что-то около 64 тысяч контрактников. Через полгода 6 тысяч из них уволилась. Что это означает? А то, что многие молодые люди, особенно в селе, когда зимой

делать нечего, они идут в армию на контракт, чтобы деньги зарабатывать. А когда весной начинается пахота, они бросают армию и возвращаются по домам. Должен быть жесткий отбор и жесткие требования. Но и материально эти требования должны быть подкреплены! Если ты идешь служить в армию по контракту, то голова у тебя должна «болеть» только о военной службе.

Поэтому современным молодым офицерам я даже, в какой-то степени сочувствую. Я вспоминаю, когда только закончил училище и пришел в часть лейтенантом, то понятия не имел о таких проблемах, как: устроить ребенка в садик, достать семье овощи для зимних заготовок и т. д. Вообще, материальный вопрос для меня не стоял. Я занимался вопросами, связанными с частью, с ротой. А как сегодня этот несчастный молодой лейтенант должен думать о своей роте, когда у него голова забита совершенно другими проблемами: где достать жилье, чем накормить семью? А еще надо одеться-обуться... Эта ситуация может измениться только в том случае, если к нашей армии наконец-то повернется лицом наше прославленное государство.

О патриотическом воспитании молодежи

В том, чтобы правду об «афганцах» и об Афганской войне узнавали наши дети и наши внуки, долж-

на быть заинтересована вся система образования — от Министерства до школы. Нельзя говорить, что ОУН, УПА — это единственные в стране герои, которые боролись за Украину. О тех, кто воевал в Афганистане и других горячих точках, школьники тоже должны знать. Поэтому школы обязательно должны приглашать участников боевых действий, организовывать встречи с детьми. Я уверен, что ученикам интересна эта тема, а ветеранам есть что рассказать.

Вообще, патриотическое воспитание — вопрос сложный, но нужный. Я, как военком, могу судить об этом не понаслышке. Раньше по телевизору шла передача «Служу Советскому Союзу», сейчас в Российской Федерации есть нечто подобное — «Служу России». А что наши дети видят по телевизору? Какие-то боевики, с морем крови, драками и насилием. Какие-то бессмысленные шоу. Как можно воспитать молодого человека, подготовить его к военной службе, если он и понятия не имеет, что такое эта армия?

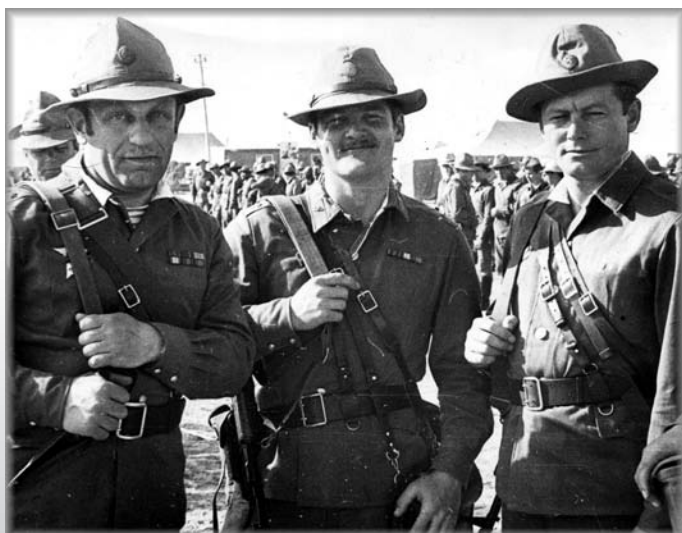
Зато молодежь со всех сторон слышит: «Армия — это плохо!» Армия — это дедовщина! В армии — мордобой и драки!» На самом деле, еще в школе младших учеников бьют старшие, в ПТУ — вообще дерутся «по-черному». Так кто приходит потом в армию? Приходит тот, кого воспитало общество. Если парень был разгильдяем на «гражданке», он и в армии продолжает вести себя так же, до тех пор, пока не случается беда. Я считаю, что дедовщина — это издержки нашего воспитания. Да и офицеры, если уж честно говорить, попадают всякие. Они ведь в военное училище приходят с той же улицы, что и солдаты в армию.

Я считаю, что большую роль в патриотическом воспитании молодых людей играет журнал «Интернационалист». Этот журнал не просто нужен людям, а очень нужен, потому что он рассказывает правду о жизни воинов-интернационалистов. Хотелось бы, конечно, чтобы тираж журнала был побольше...

Всем членам Харьковского городского союза ветеранов Афганистана желаю терпения, мужества и и успехов в достижении всех намеченных целей.

Подготовил Н. Хорошев

Использованы фотографии из личного фотоархива М. Ядрышников

Об авторе. Геннадий Калиниченко, родился 16 октября 1967 года в городе Харькове. До призыва в армию работал фрезеровщиком на Харьковском протезном заводе.

С 1986 по 1988 годы — служба в рядах СА. Отдельный саперный взвод «Подвижного отряда разграждений» (ПОР) г. Кабул.

Лихо

Очень многие истории про Афганистан начинаются одной фразой: «Жара была...»

Складывается такое впечатление, что жара там постоянно, нет границы между весной и летом, летом и осенью. Не зря тогда говорили: «Для отправки в горячие точки». Не знаю, как остальные, а эта была точно «горячей», во всех понятиях. Но какие бы не стояли природные и климатические условия, человек остается человеком. Ему присущи желания (тем более в те времена всеобщего дефицита) что-нибудь купить, достать, удивить тем, чего нет у других. Вот как-то и решили мы к «дембелю прибарахлиться».

Получив необходимое разрешение на выезд в дукан (так называли базары), взяв автобус финчасти и БТР с бойцами, на всякий случай, для прикрытия, рванули, не смотря на жару в ближайшую «толкучку».

Дорога туда прошла без осложнений и происшествий.

Упаковавшись по полной (особенно женщины старались, хотя их было всего три: медсестра, телефонистка узла связи и «секретчица» батальона), выдвинулись обратно.

Накатанная, пыльная грунтовка, за окном автобуса однообразный пейзаж, вроде все тихо. От дукана наша воинская часть и блок пост (здесь их называли «точка»), в принципе не далеко. В этом районе «духи» особо не шалили.

Вот уже видны и дувалы близ лежащего кишлака... На встречу едет легковушка (видавшая не только виды, но и подвиды). Желтая иномарка, но какая, из-за пыли и обшарпанности машины — разобрать трудно. За ней движется небольшой автобус, также импортного происхождения, но более-менее ухоженный, нормально сохранившийся. Вроде все мирно, через три-четыре десятка

метров разъедемся...

И вдруг, автоматная очередь: одна короткая и следом две более длинных. Посыпались стекла в нашем автобусе, женщины с визгом, на мгновение заглушившим даже треск автомата, подминая под себя и отбрасывая в стороны свои драгоценные покупки, бросились на пол. В салоне — рассыпавшиеся вещи, несколько разбитых флаконов импортной парфюмерии, кричащие от страха женщины...

Выхожу из секундного замешательства и открываю огонь в сторону дувала: мне показалось, что «ударил» от туда. Доносятся крики водителя, открывающего дверь автобуса: «Мать твою, в голову в дышло!»

Оказалось, что одна из очередей (мы рассмотрели это позже, уже на базе), предназначалась водителю: первая пуля застряла в спинке сиденья, сантиметрах в пяти от места где находился водитель. Вторая — разбила пластмассовый колпак «поворотника» на рулевой колонке и ушла куда-то рикошетом. Третья — сделала царапину на правом плече водителя, сорвала ему погон, пробила аптечку, висевшую за его спиной, и ушла в салон автобуса.

Заработал пулемет БТРа, бойцы бросились с брони в рассыпную кто куда: за камни, за броню, за автобус... Все наполнилось треском и гулом ответного огня, хотя толком не разобрались кто и откуда нас «подстриг»? Нервы сдали. Ответная реакция... В таких случаях «духи» говорили: «Убивай всех, Аллах разберется, где свои!» Так поступили и мы.

Из автобуса мне хорошо было видно, как легковушка соскочила в кювет и зарылась носом в песок, открывая полностью автобус. Весь огонь сосредоточили на нем. Он завиял, стал разворачиваться боком, опрокинулся вверх колесами и загорелся.

Все как по команде перестали стрелять.

Наступила такая тишина, что было слышно как, постепенно сбрасывая обороты, поскрипывали колеса опрокинувшегося автобуса. Никто ни покидал своих укрытий...

Вдруг, разрывая тишину, раздался детский плач. Это был плач совсем еще маленького, грудного ребенка, и доносился он из салона горящего автобуса.

Прапорщик Лихман Е.Д. (его прозвали Лихо, или Лед, по сокращению от инициалов), первым бросился к автобусу...

Что толкает человека в минуты опасности, в горящий дом или спасать утопающего, о чем он думает в эти минуты? С уверенностью могу сказать, о чем угодно! Но только не о себе. Что тогда думал Женька? Бросил автомат, по совершенно открытому месту, во весь рост, несясь семимильными шагами к машине, готовой взорваться в любой момент.

Согнув левую руку в локте, он прикрыл лицо от языков пламени, жаром дыхнувшим на него. Перекрикивая детский плач, он заорал: «Беженцы! Беженцы!» Сообразив, что «завалили» не тех, мы стали тщательно всматриваться по сторонам: кто-то же стрелял? Где этот кто-то?

Но надо прикрыть командира. Он один на дороге. Очень легкая мишень. Все вокруг будто вымерло, лишь где-то в сарае заблел коза...

Автобус, опрокинувшись на крышу, смял ее перегородки, стойки окон согнулись, были лишь узкие проемы, ошестинившиеся битым стеклом. А там, где-то внутри, еще живой ребенок, подающий голос, задыхающей в дыму, беспомощный и невинный!

Лихо сорвал «комок» (камуфляжную куртку) и, как в воду, щучкой нырнул в один из проемов. Вслед ему полетела фраза кем-то выкрикнутая в сердцах: «Стой, дурья башка!» Но Жека, наверняка, этого уже не слышал.

Секунды показались вечностью. Все смотрели только туда, забыв о существовании другой опасности — о том, что кто-то стрелял.

Краска на автобусе начала чернеть и пузыриться. Это хорошо было видно из-за наших укрытий. Но самое страшное, потоки горящего масла и бензина во все стороны «расползающиеся» от автобуса, создавали вокруг него непроходимую стену огня.

Жека «пронырнул» через салон и вылез с обратной стороны, но мы его еще не видели, и с напряжением ждали развязки.

Он появился сбоку на обочине. Лихо, полусогнувшись, бежал обратно, под мышкой, совершенно неуклюже, волоча маленькую, месяцев пяти-шести, заплаканную, перемазанную и «прокоптившуюся» голеную девочку. Она уже не кричала, тарасила перепуганные глазенки по сторонам, и пыталась ручонками поймать свои крохотные ножки.

Женька снял с себя разорванную, пахнущую гарью майку и стал закручивать в нее девочку. Со стороны это выглядело смешно, когда его большие руки «пеленали» живой комочек. Не отрываясь от своего нелегкого занятия, он бросил в сторону: «Наши потери?»

Один из сержантов отрапортовал: «Двухсотых нет?»
Тогда по машинам! Рвем когти!

Все пришло в движение, всем было ясно оставаться здесь дальше опасно. И действительно, через минуту автобус взорвался, поднимая к небу сноп огня и пыли...

«Поехали!» - торопили все. БТР завелся первым и двинулся по дороге, прокладывая дорогу нашему автобусу.

Мы уезжали, оставив позади неизвестно сколько трупов...

Слухи о нашем «подвиге» вскоре дошли «наверх». Появился особист, долго всем морочил голову. В рапорте о случившемся мы все списали на провокацию, которая повлекла за собой «хаотические противоправные действия». В общем, дело замяли. Правда, какого труда это стоило! За подобный инцидент могли запросто подвести пару-тройку человек под трибунал.

А вот Лихо — нашего командира взвода, долго потом подначивали сослуживцы: «Говорят ты с перепугу на трассе родил? Кого мальчика, или девочку?» Или: «Пополняешь личный состав, скрытыми способностями?» Женька тоже отшучивался: «Лучше родить, чем обделаться! Почетнее!» Да Бог с ними, с разговорами...

Девочку, при первой возможности, отправили в Кабул. Позже, недели через две, до нас дошли слухи «солдатской почтой», что с ней все в порядке — жива-здоровая. Самое интересное при передаче ребенка и оформлении документов на нее, в графе «Имя» записали: Эжень. В честь нашего взводного Женьки Лихо. Кому пришла в голову эта идея? Сейчас никто уже и не вспомнит...

Война списывала многое. Человеческая жизнь обесценивалась. И мы порой убивали по ошибке, спасая свою жизнь и жизнь товарищей. Шли на сделку с собственной совестью, на многое закрывали глаза.

Войны без жертв не бывает... Вот только память... Подобно тому, как подают осколки от разорвавшейся мины: одни — сразу, другие — с запозданием, так и она долго еще нас будет догонять, мешая спать ночами, выводя из состояния равновесия, и ставя перед нами вопросы: «Можно было этого избежать? Можно ли сейчас что-то изменить?»

Мы вернулись живыми — нам повезло. Как повезло и той девочке.

Будь здорова, Эжень!

Фотографии автора

Практически каждый год с началом весеннего и осеннего призыва гражданские и военные чиновники грозятся раз и навсегда искоренить из нашей армии такое явление, как «неуставные взаимоотношения», а проще говоря — «дедовщину». Но интересно, в курсе ли наши отцы-командиры: сколько лет этому явлению и кто пытался с ним бороться?

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ «ДЕДОВЩИНЫ»

В современных вооруженных силах на тему зарождения «дедовщины» бытует несколько легенд. Одни возводят ее к моменту окончания Великой Отечественной войны, когда в армию пришло пополнение «не нюхавших порохов» новобранцев, сразу же столкнувшихся с отвыкшими от дисциплины героями сражений.

Кто-то событием, положившим начало «дедовщине», считает амнистию 50-х годов, когда ряды вооруженных сил пополнились многочисленным уголовным элементом с соответствующими традициями и привычками.

Другие же полагают, что обычай третирования младших старшими возник после того, как в конце 60-х срок службы в армии сократился с трех до двух лет, и последние «трехлетники» впервые выместили всю свою обиду на молодом пополнении.

Но действительно ли «дедовщину» можно считать нашим, советским изобретением? И что это такое с точки зрения науки?

Социолог Д.В. Клепиков в работе «Дедовщина как социальный институт» пишет: «Возникающие отношения старшинства объективно нуждаются в регулировании, а формальная военная организация не обладает необходимыми для этого возможностями. Спонтанно возникает неформальная организация, которая регулирует социальное взаимодействие членов коллектива неформальными нормами. Закрепленный опыт транслируется от призыва к призыву через традиции, обычаи и ритуалы, образующие субкультуру коллектива».

Изучавшие это явления социологи и психологи отмечают, что «на бытовом уровне» проявления «дедовщины» могут быть самыми разнообразными: от шуточного соблюдения определенных ритуалов, наподобие «посвящения» или «прописки» до оскорбления человеческого достоинства и членовредительства.

Условиями же для ее возникновения как правило служат «закрытая организация» и наличие нескольких поколений, различающихся по возрасту и накопленному социальному опыту.

И таких примеров история насчитывает немало.

АНТИЧНЫЙ ПРИЗЫВ

Первый документально зафиксированный и досконально исследованный опыт создания регулярной армии на основе воинского призыва принадлежит древним грекам. Речь идет об институте эфебии. С некоторыми отличиями он существовал в большинстве греческих государств и просто поразительно напоминающий советскую армию.

По достижению восемнадцатилетия греческий юноша «получал повестку» — его имя заносилось в «списки эфебов», высекавшихся на каменных столбах. После чего призывник перед народным собранием давал гражданскую и военную присягу и на два года «попадал в сапоги», а точнее, в плащ и шляпу, отличительную форму эфебов.

В течение первого года службы молодые люди учились владеть оружием, усиленно занимались спортом, закаляя тело и укрепляя дух. Второй год обучения был посвящен более специальным воинским дисциплинам: они обходили границы с целью их охраны, выступали в походы для ознакомления с полевой службой, учились строить и штурмовать крепости. Только пройдя через все тяготы службы в эфебии молодой человек становился полноправным гражданином античного полиса.

Руководили эфебами «отцы-командиры», преподававшие основы воинского искусства, следившие за дисциплиной и нравственностью молодых людей.

Впрочем, за исключением Спарты, особо высоких требований к дисциплине в эфебии не предъявлялось. После окончания обязательных занятий молодежь была предоставлена сама себе, и многие уходили ночевать в родные семьи. Так что классических проявлений дедовщины, в виде отбирания продуктовых посылок из дома и пришивания подворотничков старослужащим воинам история не сохранила. Но, тем не менее, именно античная Греция показала первый пример «неуставных взаимоотношений» в армии. Имеются ввиду сексуальные контакты как между самими юношами, так и между эфебами и воспитателями.

Происхождение последних истории и психоло-

ги стыдливо возводят к более древним обрядам инициации, когда взрослые члены племени при помощи не всегда целомудренных обрядов посвящали мальчиков во взрослых мужчин.

А что касается «личных контактов» между самими юношами, то в этом греки и вовсе не видели ничего зазорного. Напротив, они были твердо уверены, что суровая мужская дружба, как следует подкрепленная любовью, даст прекрасные примеры отваги и взаимовыручки на поле боя, и предлагали молодому поколению образцы для подражания: Геракл и Иолай, Ахилл и Патрокл.

Официальная мораль не всегда относилась к однополой любви так же терпимо, как и в Древней Греции. Однако полностью искоренить факты подобных отношений в армии за два с половиной тысячелетия так и не удалось.

ПРЕКРАСНЫЕ ПАЖИ И ОТВАЖНЫЕ ОРУЖЕНОСЦЫ

Говорить о «дедовщине» как таковой в средние века достаточно сложно. Хотя бы потому, что в описываемый период не существовало регулярной армии. Вместо нее имелось военное сословие, к которому принадлежали все светские феодалы. И которое отличалось жесткой социальной структурированностью. В средние века человек, занимающий определенную ступеньку социальной лестницы должен был приложить колоссальные усилия для того, чтобы подняться вверх хотя бы на один шаг.

Получить рыцарское звание, золотую цепь и шпоры, а также все прилагающиеся к этому привилегии, мог только потомственный дворянин достигший 21-летнего возраста. Если соответствующий этим требованиям молодой человек являлся единственным наследником благородной феодальной фамилии, то проблем с посвящением в рыцари, как правило, не возникало. А вот если он оказывался одним из младших братьев, то путь к заветной цели был довольно тернист, и к тому же не всегда оканчивался результативно.

Рыцарское звание требовалось заслужить. Для этого мальчики благородного звания в возрасте семи лет поступали на службу к дворянину на должность паж. Считалось, что в этом качестве будущий рыцарь приобретет начальные духовные и воинские качества. Но обычно все обучение маленького пажика сводилось к мелким служебным обязанностям: чистить коней и оружие, прислуживать за столом и в спальне феодала.

Зато в 14 лет подросток переходил на следующую

ступень — становился оруженосцем. Обязанности оруженосцев были более многочисленными и различались в зависимости от положения в замке: они могли быть приставлены в качестве слуги самого господина или его супруги, к конюшне, к столу или еще к какому-нибудь «ответственному посту». Считалось, что выполняя роль замковой прислуги, молодой человек учится смирять гордыню, набирается необходимого жизненного опыта и светского лоска. Однако в действительности перейти в рыцарское звание имели шанс только оруженосцы, состоявшие при самом рыцаре и сопровождавшие его в походах и турнирах. Причем, когда это произойдет и произойдет ли вообще, зависело исключительно от желания самого господина.

А сами эти господа в реальной жизни были весьма далеки от романтического образа «прекрасного рыцаря на белом коне». Белые кони, вполне возможно, у них и были, но вот что касается всего остального...

Начнем с того, что правящий класс вплоть до эпохи Возрождения практически поголовно был неграмотным. А бытовые условия знати отличались от жизни простолюдинов разве что габаритами. Периоды между религиозными постами приходилось заполнять охотой, различными воинскими состязаниями и последующими пирушками. Ничего не скажешь: достойные условия для воспитания подрастающего поколения.

Не удивительно, что молодые пажы и оруженосцы часто становились объектом весьма сомнительных шуток и розыгрышей. И в этом плане оваянный многочисленными романтическими легендами обряд посвящения в рыцари может предстать совсем в ином виде.

Главному событию в жизни оруженосца предшествовал долгий пост, иногда продолжавшийся несколько недель. Ночь перед посвящением он должен был провести в часовне в ночном бдении над оружием. Голодный молодой человек, со всеми его средневековыми суевериями, должен был провести ночь в глухом темном помещении, к тому же нередко рядом с усыпальницей. На следующий день после ряда долгих и утомительных процедур бедняга, наконец-то, облачался в рыцарские доспехи около 30 кг весом, после чего без помощи стремян должен был «взлететь» на коня и до самого вечера оставаясь в седле принимать поздравления.

Конечно, существовали и более изощренные средневековые обряды. Но все-таки посвящение в рыцари напоминает чем-то прообраз «прописки молодых».

«ГОСПОДА ЮНКЕРА, ГДЕ ВЫ БЫЛИ ВЧЕРА...»

В современном виде «дедовщина» оформилась в XIX веке в высших военных учебных заведениях. В России она получила название «цукание». Генерал от инфантерии Епанчин называл «цуканьем» «подтягивание» младших по сроку службы «иногда в грубой, бессмысленной и даже жестокой форме».

Считалось, что это явление появилось во времена императора Петра III и «печальной памяти гольштинцев, вследствие слепого подражания порядкам армии Фридриха II». Оно процветало в ряде военных училищ и даже в Пажеском корпусе.

Епанчин пишет, что из числа петербургских военных училищ «цуканье» особенно процветало в Ни-

колаевском кавалерийском училище, где юнкера старших курсов присвоили себе статус «корнетов», а младших именовали «зверями».

Вот что пишет по поводу своего пребывания в стенах этого учебного заведения знаменитый путешественник и ученый Семенов-Тянь-Шанский: «С новичками обращались, унижая их достоинство: при всех возможных предложениях не только били их нещадно, но иногда прямо истязали, хотя без зверской жестокости. Только один из воспитанников нашего класса, отличавшийся жестокостью, ходил с ремнем в руках, на котором был привязан большой ключ, и бил новичков этим ключом даже по голове».

Правда, «цукание» не всегда принимало столь радикальные формы. Чаще оно сводилось к различиям во внешнем виде и в правах между старшими и младшими юнкерами. Неопытных и испуганных «молодых» заставлял не только выражать почтение к старшим, но и «тянуть службу». А офицерский состав училища часто закрывал глаза на подобные отношения, полагая, что чем быстрее новичков натаскают в строевой подготовке и воинском мастерстве, тем лучше.

Постепенно обычай «цукать» новичков охватил большинство не только военных, но и гражданских учебных заведений.

Пытались ли с ним бороться? Разумеется. Прежде всего отстаивать свои права пытались сами юнкера-младшекурсники. Руководители учебных заведений, под попечительством которых нередко оказывались отпрыски высокопоставленных семейств, тоже не были заинтересованы в вынесении сора из избы. Наиболее зарвавшиеся «корнеты» и потакавшие им офицера-воспитатели рисковали навсегда расстаться с училищем.

На различных уровнях с ним пытались бороться и директор Пажеского корпуса Епанчин, и начальник Николаевского училища генерал-майор Плеве, и военный министр Сухомятин, и даже возглавлявший Главное управление военно-учебными заведениями великий князь Константин Константинович.

Однако все эти усилия не увенчались успехом. «Цуканье» успешно пережило революцию и, слегка видоизменившись, возродилось уже в советских военных училищах и армии.

Под именем «дедовщины» «цуканье» известно и в нашей украинской армии.

Интересно, сумеет ли кто-нибудь и когда-нибудь остановить парадное шествие «дедовщины»?

Виктория Степкова

Уважаемая редакция журнала «Интернационалист»!

Уважаемый Виктор Николаевич Коваленко!

С большой просьбой к вам обращается Азаров Виктор Иванович из Днепропетровска. Скажу сразу: я не был в Афганистане, но, тем не менее, я сейчас занимаюсь темой Афганской войны.

Номера вашего журнала просматриваю у председателя областного союза ветеранов Афганистан Днепропетровской области Виктора Николаевича Волошина.

Давно жду, когда «Интернационалист» будет распространяться по подписке, но его снова не оказалось в каталоге подписных изданий на 2009 год.

После службы в армии, я работаю в средней школе преподавателем курса «Защита Отечества». Тема войны в Афганистане — одна из самых значимых в арсенале военно-патриотического воспитания молодежи, в частности — допризывников. Очень хотелось бы приобрести номера вашего журнала. Ведь 2009 год особенный: в феврале — 20 лет со дня вывода советских войск из Афганистана, а в декабре — 30 лет со дня ввода ОКСВА.

Уверен, что в плане Харьковского городского союза ветеранов Афганистана выпуск особых номеров «Интернационалиста» к этим датам. Где и как их можно будет достать?

Я собираю свой электронный альбом о войне в Афганистане. Часть информации из него уже использовала в своей работе «афганцы» нашего города и области...

Есть у меня еще одно предложение: на последней странице «Интернационалиста» помещать фотографии памятников воинам-«афганцам», которые установлены в населенных пунктах Украины. Это была бы замечательная коллекция фотографий!

С уважением В.И. Азаров

P.S. Летом планирую поездку в Харьков. Постараюсь зайти в вашу редакцию.

От редакции:

Уважаемый Виктор Иванович!

Спасибо Вам за письмо и дельное предложение.

Редакция журнала «Интернационалист» сообщает всем читателям: мы готовы предоставить одну страницу обложки для размещения фотографий памятников и Памятных знаков, установленных в честь воинов-интернационалистов.

*Для этого необходимо прислать в адрес редакции высококачественную фотографию или отправить на электронный адрес (hgsva@mail.ru) файл с фотографией в формате *.tif или *.jpg с разрешением 300 точек на дюйм и размером изображения 20х30 см. К снимку необходимо приложить текстовый комментарий (Как называется памятник? Где, кем и когда установлен?).*

О подписке. Информационный журнал ХГСВА «Интернационалист» зарегистрирован для распространения на территории Харьковской области как бесплатное издание. Все специалисты редакции, авторы статей и фотографы создают журнал на общественных началах, то есть не получая за свой труд ни копейки. Из-за высокой себестоимости журнала мы не можем пока позволить себе строгую периодичность выхода в свет. У нас только один источник финансирования полиграфических услуг: добровольные пожертвования и помощь меценатов.

ХГСВА бесплатно рассылает часть тиража организациям воинов-интернационалистов в различных населенных пунктах Украины, России, Прибалтийских стран, США, Израиля, а также во все областные организации УСВА. А стоимость услуг «Укрпочты» тоже не малая...

Главное управление по гуманитарным и социальным вопросам Харьковского городского совета

г. Харьков, ул. Сумская, 64
тел. 700-56-63

Управление труда и социальной защиты населения Харьковского городского совета

г. Харьков, ул. Сумская, 64
тел. 715-73-19

<http://www.social.kharkov.ua> — электронный портал «Харьков социальный».

<http://www.e-ofis.social.kharkov.ua> — система электронных офисов по оказанию социальной помощи населению.

Уважаемые участники боевых действий! В Харькове работает служба «Инватакси».

Заказы принимаются по телефонам:

340-00-51 и 751-78-44

с 9:00 до 17:00 часов

с понедельника по пятницу

за два дня до предполагаемой поездки.

Диспетчерская служба «Инватакси»

Звільнення з роботи – річ складна

Проблема втрати робочого місця, а відповідно і розірвання трудового договору, стала актуальною у зв'язку з фінансово-економічною кризою, яка поступово накриває Україну. Але це питання не слід спрощувати. Його коментує провідний спеціаліст відділу з питань праці Міністерства юстиції України Андрій Мішенков. Пунктом 1 статті 40 Кодексу законів про працю України (далі — кодекс) передбачено, що трудовий договір, укладений на невизначений строк, а також строковий трудовий договір до закінчення терміну у його чинності можуть бути розірвані власником або уповноваженим ним органом (далі - власник), зокрема у випадках змін в організації виробництва і праці, в тому числі ліквідації, реорганізації, банкрутства або перепрофілювання підприємства, установи, організації, скорочення чисельності або штату працівників.

Прийнявши рішення про вивільнення працівників, власник повинен не пізніше ніж за 2 місяці до запланованого звільнення особисто кожного працівника повідомити про це під розпис. Одночасно з попередженням про звільнення власник пропонує працівникові іншу роботу на тому ж підприємстві, в установі, організації.

Якщо на підприємстві, в установі, організації відсутня робота за відповідною професією чи спеціальністю, а також у разі відмови працівника від переведення на іншу роботу на тому ж підприємстві, в установі, організації працівник, на свій розсуд, звертається по допомогу до держслужби зайнятості або працевлаштовується самостійно.

Звільнення за цими підставами допускається лише у разі, якщо працівника за його згодою неможливо перевести на іншу роботу.

Водночас власник має поінформувати держслужбу зайнятості про наступне вивільнення працівника із зазначенням його професії, спеціальності, кваліфікації та розміру оплати праці. Державна служба зайнятості в свою чергу пропонує йому роботу в тій же чи іншій місцевості за його професією, спеціальністю, кваліфікацією, а при її відсутності — підбирає іншу роботу з урахуванням індивідуальних побажань і суспільних потреб.

При необхідності працівника може бути направлено, за його згодою, на навчання новій професії (спеціальності) з наступним наданням йому роботи.

Не допускається звільнення працівника з ініціативи власника в період його тимчасової непрацездатності, а також у період перебування працівника у відпустці. При цьому, маються на увазі щорічні, а також інші види відпусток, що надаються працівникам як із збереженням, так і без збереження зарплати. Проте це правило не поширюється на випадок повної ліквідації підприємства, установи, організації.

Зміна підпорядкованості підприємства не припиняє дії трудового договору.

У разі зміни власника підприємства, а також у разі його реорганізації, дія трудового договору працівника продовжується.

КОМУ НАДАЄТЬСЯ ПЕРЕВАГА?

При вивільненні працівників у разі скорочення чисельності або штату працівників власник має врахувати статтю 42 кодексу, якою передбачені гарантії для окремих категорій працівників. Так, працівникам з вищою кваліфікацією і продуктивністю праці надається переважне право залишитись на роботі.

При рівних умовах продуктивності праці й кваліфікації перевага в залишенні на роботі надається: сімейним — за наявності двох і більше утриманців; особам, у сім'ї яких немає інших працівників з самостійним заробітком; тим, хто має тривалий безперервний стаж роботи на даному підприємстві; працівникам, які навчаються без відриву від виробництва; учасникам бойових дій, інвалідам війни та особам, на яких поширюється чинність Закону «Про статус ветеранів війни, гарантії їх соціального захисту»; авторам винаходів, рацпропозицій тощо; працівникам, які дістали на цьому підприємстві трудове каліцтво або профзахворювання; особам з числа депортованих з України, протягом п'яти років з часу повернення на постійне місце проживання до України; працівникам з числа колишніх військовослужбовців строкової служби та осіб, які

проходили альтернативну (невійськову) службу, — протягом двох років з дня звільнення їх зі служби.

Перевага в залишенні на роботі може надаватися й іншим категоріям працівників, якщо це передбачено законодавством України.

УЗГОДЖЕННЯ З ПРОФСПІЛКОЮ

Також власник при розірванні трудового договору з працівником на підставі пункту 1 статті 40 кодексу повинен узгодити таке звільнення з виборним органом (профспілковим представником) первинної профспілкової організації, членом якої є працівник (крім випадків повної ліквідації підприємства, установи, організації).

Це узгодження оформляється обґрунтованим письмовим поданням власника про розірвання трудового договору з працівником, яке орган первинної профспілкової організації, членом якої є працівник, розглядає у п'ятнадцятиденний строк. Якщо роботодавець планує звільнення працівників з причин економічного, технологічного, структурного чи аналогічного характеру або у зв'язку з ліквідацією, реорганізацією, зміною форми власності підприємства, установи, організації, він повинен завчасно, не пізніше як за три місяці до намічених звільнень надати первинним профспілковим організаціям інформацію щодо цих заходів, включаючи інформацію про причини наступних звільнень, кількість і категорії працівників, яких це може стосуватися, про терміни проведення звільнень, а також провести консультації з профспілками про заходи щодо запобігання звільненням чи зведенню їх кількості до мінімуму або пом'якшення несприятливих наслідків будь-яких звільнень (частина третя статті 22 Закону України «Про професійні спілки, їх права та гарантії діяльності»).

Подання власника має розглядатися у присутності працівника, на якого воно внесено. Розгляд подання у разі відсутності працівника допускається лише за його письмовою заявою. За бажанням працівника від його імені може виступати інша особа, у тому числі адвокат.

Подання про звільнення працівника може бути розглянуте і без його участі у разі повторної неявки працівника (його представника) без поважних причин.

Якщо працівник одночасно є членом кількох

первинних профспілкових організацій, які діють на підприємстві, в установі, організації, згоду на його звільнення дає виборний орган тієї первинної профспілкової організації, до якої звернувся власник. На внесені власником подання про звільнення працівника, виборний орган первинної профспілкової організації або профспілковий представник повинен повідомити власника про прийняте рішення у письмовій формі в триденний строк після його прийняття. У разі пропуску цього строку вважається, що виборний орган первинної профспілкової організації дав згоду на розірвання трудового договору.

Законодавством визначено, що рішення виборного органу первинної профспілкової організації про відмову в наданні згоди на розірвання трудового договору повинно бути обґрунтованим. У разі якщо в рішенні немає обґрунтування відмови в наданні згоди на розірвання трудового договору, власник має право звільнити працівника без згоди виборного органу первинної профспілкової організації.

Власник має право розірвати трудовий договір не пізніше як через місяць з дня одержання згоди виборного органу первинної профспілкової організації.

З працівниками, які не є членами профспілки, трудові договори розриваються без попереднього узгодження їхнього звільнення з профспілкою.

ВИПЛАТА ВИХІДНОЇ ДОПОМОГИ ТА ІНШІ ГАРАНТІЇ

Також кодексом передбачена виплата працівникам вихідної допомоги у розмірі не менше середнього місячного заробітку у разі розірвання трудового договору на підставі пункту 1 статті 40 цього кодексу.

Крім того, власник зобов'язаний у день звільнення видати працівникові належно оформлену трудову книжку, копію наказу про звільнення з роботи і провести з ним розрахунок у строки, зазначені в статті 116 цього кодексу. Працівник, з яким розірвано трудовий договір з підстав, передбачених пунктом 1 статті 40 цього кодексу (крім випадків ліквідації), протягом одного року має право на укладення трудового договору в разі поворотного прийняття на роботу, якщо власник проводить прийняття на роботу працівників аналогічної кваліфікації.

Сообщаем банковские реквизиты ХГСВА для тех, кто имеет желание и возможность оказать финансовую помощь для издания журнала «Интернационалист»:

Получатель: ХМСВА (в-і)
Р/рах.: 26000209752200
Банк: відділення №980 АКІБ «УкрСиббанк»
МФО 351005
ЗКПО 22638163

При переводе средств целью платежа следует указать: «Надання безповоротно-фінансової допомоги для видання журналу «Інтернаціоналіст».

Спецназ в Афганистане

(Окончание. Начало см. №2-5 (2008))

ГОРЫ И ЛЮДИ

В феврале восемьдесят девятого последние спецназовцы покинули Афганистан - страну, где они без малого девять лет сражались и гибли во имя идеи «интернационализма». О том, что эта война несправедлива с нашей стороны, а главное - совершенно бесперспективна, в той или иной степени догадывались многие из тех, кто в перерывах между выходами на операции задумывался о характере и сущности миссии «ограниченного контингента».

Несмотря на то, что военнослужащие 40-й армии сменялись каждые два года, чувство, моральной усталости от войны стало проявляться в советских войсках в Афганистане не перед выводом на родину, а гораздо раньше. Уже в середине 80-х годов солдаты и офицеры, прибывающие в эту страну с желанием «хорошенько повоевать» с моджахедами и помочь афганскому народу «отстоять завоевания апрельской революции», довольно быстро осознавали, что местный народ не любит их и не нуждается в их помощи, и они не смогут победить в этой затянувшейся войне, какие бы потери и поражения не наносили моджахедам.

Однако они продолжали воевать и выполняли свою «работу» добросовестно и самоотверженно. Они сознательно шли на риск, хотя понимали, что война закончится для них в любом случае, когда наступит время замены или демобилизации. Можно было бы и поберечь себя. Почему же они продолжали воевать? Почему не уклонялись от участия в боевых действиях? Что заставляло их сражаться с противником буквально до последнего часа своего пребывания в Афганистане?

Большинство наших соотечественников, насмотревшись боевиков с участием Сталлоне и Шварценеггера, начитавшись газет о действиях ОМОНа в Закавказье и Прибалтике, представляли себе спецназовца таким бесчувственным монстром с чрезвычайно развитой мускулатурой, обвешанным оружием и необременным моралью.

Нарисованный образ имеет мало схожего с теми людьми, которые носили форму частей спецназначения в Афганистане.

Безусловно, война оказывает большое воздействие на психику, моральные ценности, образ жизни и поведение человека, принимающего в ней самое активное участие.

Ее влияние проявляется как в хорошем, так и в плохом, что есть в данном человеке. Война не делает его лучше или хуже. Она лишь развивает те качества, которые были заложены в нем задолго до начала войны. Никто не скажет лучше и достовернее о людях спецназа, чем сами спецназовцы, именно поэтому попытка показать облик советского «рейнджера» в Афганистане сопровождается в этой книге их собственными наблюдениями и размышлениями.

Ведение активных и постоянных боевых действий, выполнение наиболее ответственных и сложных задач - вот работа спецназа на афганской войне. Однако из этого не следует делать вывод, что все поголовно военнослужащие частей спецназа однозначно положительно относились к возможности повоевать, и возводили чувство воинственности в ранг главного своего достоинства. Лишь 25% опрошенных автором солдат и офицеров уверенно и без колебаний признали, что в течение двух своих лет в Афганистане (некоторые офицеры, побывавшие там дважды, имели большой срок) им нравилось воевать, постоянно испытывать охотничий азарт, убивая моджахедов в честном бою. Солдат фарахского батальона выразил свое отношение к войне следующим образом: «Я любил воевать. Надо было бить их сильнее. Мы там не довоевали».

Гораздо большая часть опрошенных заявила о том, что они испытывали желание воевать лишь в течение первого года службы. Затем, по их словам, наступало чувство психологической усталости, апатии, нежелания воевать. Люди пресыщались войной, потому что существует тот предел, после которого человек уже не в состоянии эффективно выполнять свои задачи. От чрезмерных нагрузок и обилия экстремальных ситуаций у значительной части военнослужащих наступал период депрессии, снижения интеллектуальных способностей.

Например, допустимая норма налета на вертолетах для летчиков в условиях Союза составляла 150-200 часов в год. В Афганистане эта норма доходила до 1000 часов. Чрезмерные нагрузки в течение продолжительного времени приводили к ослаблению защитных механизмов в психике человека. По этой причине в частях ограниченного контингента происходило большое количество несчастных случаев, катастроф и аварий, с человеческими жертвами. Спецназовцы не были исключением из правил, но у них доля небоевых потерь составляла всего 12-15%, в то же время небоевые потери в частях 40-й Армии достигали 35% от общего количества.

Люди - не роботы, и война, истощавшая их силы, зачастую, притупляла чувство осторожности и внимательности у одних, и наоборот - обостряла его у других, вырабатывая мощный инстинкт самосохранения. «Я знал нескольких отличных ребят. Они погибли под самый дембель. Они были опытными бойцами, но допустили ошибку, и это стоило им жизни... Когда на операции я чувствовал опасность, я становился очень осторожным», - прокомментировал бывший сержант спецназа свое наблюдение по данному вопросу.

Увы, в Советской армии, воевавшей в Афганистане, не существовало психологической службы, которая могла бы определить оптимальные границы боевых возможностей конкретного человека, адаптированность его психики к военным условиям, его «персональную дозу» пребывания на войне. Как знать, возможно, наличие подобной службы

спасло бы сотни жизней наших сограждан на афганской войне...

Примерно 5% опрошенных признали, что они по разным причинам после первых же выходов на боевые операции поняли, что убивать или самому быть убитым - не их хлеб. Ими двигало как чувство страха, неуверенности в своих силах, так и нежелание воевать, подвергать себя риску. Они постарались занять такие должности на базах спецназа, которые оградили бы их от непосредственного участия в боевых действиях, или хотя бы снизили процент риска.

Никто из опрошенных не признавался в таких «грехах», о которых поведал офицер баракинского спецназа: «Обычно в ротах из 70-80 человек 5-6 солдат были «шлангами». Были и «чмыри», которые косили под больных, пили мочу «желтушников», чтобы заболеть и попасть в госпиталь». Солдат этого же батальона и через несколько лет после завершения службы не может скрыть свои негативные эмоции по отношению к тем, кто «по желтушному делу засел в госпиталях, устроился там в рабочие команды для выздоравливающих, чтобы не возвращаться в свою часть и не воевать, пока мы ходили в горы».

До 60% опрошенных военнослужащих спецназа заявили, что не могут дать однозначный ответ о своем отношении к войне. На войне наряду с мобилизацией всех возможностей организма, умственных и физических способностей, с достижением «эмоционального пика» человек одновременно испытывает чувство тоски, дискомфорта, разочарования и подавленности.

Младший офицер джелалабадского спецназа так резюмировал свои ощущения на войне: «Я не могу сказать только «да» или только «нет». «Нет», так как война влечет за собой гибель друзей. «Да», так как, дав результат, испытываешь чувство глубочайшего удовлетворения, что ты все-таки не зря сюда приехал».

Один из спецназовцев асадабадского батальона более прозаично выразил свое отношение к войне: «Мне было скучно сидеть в ППД. Я выходил на войну, но, навоевавшись, меня снова тянуло на базу, подальше от гор. Нельзя же все время стрелять!»

Одним из наиболее сильных мотивов, которые заставляли спецназовцев - воевать, ненавидеть своего противника и жертвовать собственной жизнью, чтобы уничтожить его, являлось чувство мести за погибших сослуживцев. «Неудачи и потери с вашей стороны действовали на меня угнетающе и раздражали. Большие потери вызывали чувство ненависти к духам», - так ответил офицер спецназа на вопрос, почему он, осознав всю бессмысленность войны в Афганистане, тем не менее, продолжал на операциях активно искать столкновений с моджахедами.

Другой военнослужащий спецназа сказал: «Мы переживали, когда теряли своих. Были слезы, иногда даже на взрыд. За убитых мстили жестоко».

Один из опрошенных так выразился о чувстве мести: «Гибель двенадцати парней из нашего батальона под Кандагаром осенью 88-го вызвала у меня вначале депрессию, но потом я стал воевать еще злее».

Такие понятия, как «интернационализм», «долг по оказанию помощи братскому народу Афганистана» для спецназовцев были лишь политической фразеологией, пустым звуком. Интернационалистами они себя не считали. Почти все опрошенные согласились с тем, что в Афганистане они выполняли не интернациональный долг, а боевую задачу, поставленную командованием, и считали себя профессионалами, в совершенстве делающими свое дело.

Те, кто попадал в Афганистан с ложными представлениями о событиях в этой стране, - а такие представления формировала официальная советская пропаганда, - до-

вольно быстро прозревали. Многие при опросах подчеркивали, что свое отрицательное отношение к афганцам, будь то моджахедам, или мирные жители и сторонники кабульских властей, они не могут при всем желании совместить с понятием «интернационализма».

Большинство опрошенных подтвердили, что свое участие в боевых действиях они понимали не как показатель личных политических воззрений, а как воинский профессиональный долг. Анкетирование военнослужащих спецназа выявило такую неожиданную и любопытную особенность, о которой достаточно недвусмысленно высказался один из солдат кандагарского батальона: «Честно говоря, я «духов» больше уважал, чем местных коммунистов. Духи не прятались за чужими спинами, как «царандоевцы», или «зеленые» за нашими. Они все-таки защищали свою страну и свои дома, да и воевали они лучше наших союзников...»

Почти четверть опрошенных выразила аналогичные политические симпатии, оставаясь при этом непримиримыми врагами моджахедов. «Рейнджеры» спецназа не читали Ницше, который, говоря о войнах и воинах, сказал дословно: «Вы должны гордиться своими врагами». Однако, они (спецназовцы) и так достаточно трезво и объективно оценивали исламских партизан. «У них высокая боеспособность», «прирожденные воины», «противник вовсе не глуп», - вот характерные высказывания спецназовцев о своем противнике. Победами над таким противником можно было действительно гордиться, поэтому обычное соотношение потерь, когда на одного погибшего спецназовца приходилось 6-10 убитых моджахедов, свидетельствовало о высокой профессиональной выучке спецназа. Правда, опрошенные, как правило, подчеркивали, что не совсем удовлетворены тем, как они сами и их подразделения действовали в Афганистане. Свою неудовлетворенность они списывают на те ограничения, которые, будучи спущенными сверху, мешали им эффективно воевать.

«Если сравнивать Афганистан с Вьетнамом, то во Вьетнаме военные действия велись более грамотно и без скидок на гуманность, с использованием всех технических возможностей», - так высказался один из военнослужащих спецназа по данной теме. Его высказывание можно дополнить другим: «Американцы могли смело применять дефолианты, а мы боялись использовать газы, чтобы «травануть» «духов» в пещерах».

Требования соблюдать законность и гуманность по отношению к местному населению воспринимались многими спецназовцами во время войны в Афганистане как вещь, несовместимая с приказом «дать результат» и самим характером войны. Лишь 20% опрошенных, говоря о своем, на их взгляд, недостаточном высоком уровне ведения боевых действий, признавали, что «наша подготовка была ниже, чем у американских зеленых беретов, если, конечно, судить по кинофильмам и литературе».

Противник спецназа был серьезным. Во время войны в этой стране, как советская печать, так и печать исламской вооруженной оппозиции изображали своего противника обычно в уничижительном виде, показывая его глупость, бездарность, рисуя астрономические потери. Впрочем, потери значительно завывались и в оперативных сводках, предоставляемых командованию с мест. Действительность же была иной. К 1984-85 годам, то есть в период наибольшей концентрации частей спецназа в Афганистане, большую часть исламских партизан составляли настоящие профессионалы, которые давно жили только войной. Офицер кандагарского батальона, который неоднократно отслеживал движение караванов в своей зоне ответственности, признал: «Вначале я был очень удивлен, а потом привык к тому, что моджахедам выставляли дозоры и охранение, использовали различные тактические приемы при проводке

караванов, отлично маскировались и использовали самые современные средства связи».

Относясь уважительно к своему противнику, «рейнджеры» спецназа, однако, не имели перед ним страха и всегда морально были настроены только на победу. Несмотря на то, что дух исламских партизан, защищавших свою страну, свой народ, был достаточно высок, спецназовцы по своему моральному состоянию намного превосходили противника.

«Я не испытывал чувства страха во время боя. Не было времени об этом думать!» - сказал о чувстве страха военнослужащий газнийского батальона. Его сослуживец по батальону добавил, что какое-то подобие страха наступало уже потом, после боя, на базе. Подавляющее большинство опрошенных заявили, что не старались задумываться над перспективой быть убитым или раненым. Офицер шахджойского батальона следующим образом выразился о моральном состоянии своих подчиненных: все в какой-то степени боялись. Ничего не боится только Рэмбо. За редким исключением, во время боев мы всегда превосходили «духов морально. Они боялись нас гораздо больше, поэтому мы обычно побеждали».

Некоторые из опрошенных ответили, что об их моральном превосходстве свидетельствует тот факт, что они не издевались над трупами и ранеными моджахедами. Отношение к попавшим в плен было также довольно гуманным в частях спецназа. Их, как правило, вначале содержали для допросов на гауптвахте базы, а затем передавали в ХАД.

Спецназовцам для самоутверждения и преодоления боязни перед противником не нужно было раззадоривать себя издевательствами и пытками пленных или глумлением над трупами моджахедов, как это проделывали исламские партизаны со своим противником. По их верованиям, вид изувеченного «кафера» с выколотыми глазами и отрубленными половыми органами придаст моральные силы воину ислама, поднять его боевой дух, вселит в него чувство уверенности и непобедимости. Расчленение трупа для моджахедов имело и религиозный смысл. Они верили, что в день страшного суда душа погибшего врага не сможет обрести тело, которое разорвано на части. Отношение к мертвым и пленным прекрасно иллюстрирует, на чьей стороне было моральное превосходство. По признаниям спецназовцев, они не стремились брать моджахедов в плен, так как с ними было много «возни и мороки», тем более, что пленные за редким исключением всегда давали дезинформацию. Однако в плен попадало немалое число моджахедов, чего нельзя сказать о спецназовцах.

За исключением рядового Я., попавшего в плен по собственной рассеянности летом 1987 года и затем обменного на пленных моджахедов, военнослужащие спецназа в плен не сдавались никогда, предпочитая умереть. Кроме того, сами моджахеда стремились добить раненого советского военнослужащего, если тот оказывал сопротивление.

Другим фактором, определяющим моральное превосходство спецназовцев, являлось чувство своей избранности, ощущение престижа службы в элитных частях советской военной разведки. На вопрос, испытывали ли вы чувства гордости, превосходства, избранности, проходя службу в спецназе, все опрошенные ответили утвердительно. Они следующим образом объяснили эти чувства: «Да, мы были избранными, так как спецназ - это боевые части армии, самые результативные и несущие самые незначительные потери... Мы были самой боевой, ударной силой армии... Особый характер выполнения задач поднимал нас в моральном отношении на недостижимую для остальных высоту...»

Спецназ, находясь в Афганистане, не рекламировал

свои подвиги и победы, и большинство его громких дел по сей день остается неизвестным для большинства. Однако, не зная даже и десятой доли «правды» о спецназе и его действиях, большинство военнослужащих других частей 40-й армии испытывали к спецназу чувство уважения, понимая, что в силу многих причин спецназ превосходит их по своей результативности и эффективности.

Именно престиж службы в спецназе, постоянное стремление держать на высоте марку рода войск, развитое чувство корпоративности, благотворным образом сказывались на моральном состоянии военнослужащих спецназа, их особенности действовать уверенно в самых трудных условиях. Постоянное балансирование между жизнью и смертью давало спецназовцу лишь моральный стимул: он мог с полным правом носить тельняшку, спецназовскую робу и называться «бойцом спецназа». Материальные стимулы практически отсутствовали. Например, не было никакой разницы в оплате командира группы спецназа, почти ежедневно подставляющего свою голову под пули, и оплатой труда, например, начальника продовольственной службы мотострелковой части, а начальник оркестровой команды в любом полку, или даже чиновник в погонах, выписывающий проездные документы в различных штабах, получали даже больше.

Если офицеры спецназа имели все же хоть какое-то скромное жалование, составляющее, кстати, для младших офицеров в 1985 г. 270 чеков в месяц плюс небольшая сумма в рублях, начисляемая для них в Союзе, а для старших офицеров - 320 чеков, - то солдаты воевали фактически задарма. Самая высокая ставка военнослужащего срочной службы достигала такой «астрономической» суммы, как... 18 чеков в месяц! Любое гражданское вольнонаемное лицо в составе 40-й армии, носу не казавшее с базы, кроме поездок в афганские торговые лавки, получало в десять раз больше самого смелого и отважного рядового спецназовца!

Однако эту вопиющую несправедливость высшее руководство так и не удосужилось исправить за все годы войны. Единственно разумной акцией, на которую хватило сердобольных маршалов, стало установление нормированных денежных компенсаций за ранения, увечья и контузии. Для введения соответствующего документа в ранг закона потребовалось несколько лет войны в Афганистане. Зато после его появления оторванная рука или нога офицера стали оцениваться в 700-800 рублей, а солдата - в 3-4 раза меньше. Чеков в этом случае не платили. За доказанный документально факт контузии на рублевый счет офицера в Союзе начислялся один месячный оклад. И это считалось немалым прогрессом в оценке министерством обороны

ратного труда людей в военной форме. Жизнь человека у нас всегда стоила недорого...

Ни один солдат в армиях цивилизованных стран, да и большинства развивающихся, не стал бы жертвовать собой, видя к себе подобное отношение. Ни один, кроме советского! Поэтому сравнение спецназовцев периода афганской войны с теми же «зелеными беретками» времен Вьетнама весьма сомнительно. Те, сознавая бессмысленность гибели в джунглях чужой страны, хоть знали, что их труд оплачивается по достоинству, и даже будучи искалеченными, они вернутся на родину, в Штаты, относительно состоятельными людьми. В Стране Советов существовали иные правила. Зачем деньги, зачем комфорт человеку, вооруженному «самым передовым в мире политическим учением»?..

Итак, военнослужащие спецназа не считали себя интернационалистами. Не были они и наемниками, получающими за риск огромные деньги. Почему же в таком случае они выкладывались до конца, отвоевав вплоть до февраля 1989 года? Что заставляло их сражаться в этой войне, обреченной на неудачу для их страны?

Ответы спецназовцев можно разбить на шесть групп. Почти все опрошенные в первую очередь в качестве фактора, заставившего их сражаться, назвали саму атмосферу войны. «В меня стреляли - я отвечал», - вот наиболее распространенный ответ.

Многие назвали чувство морального удовлетворения от победы над противником. «Мы знали, что чем больше забьем караванов и уничтожим «духов», тем меньше наших солдат погибнет здесь», - заявил офицер асабабадского батальона.

Один из отвечавших дал такое объяснение: «Я не хотел прятаться за чужие спины. Мне бы совесть не позволила жить за счет других». Желание выглядеть 100-процентным «рейнджером», чувство собственного достоинства, желание проверить себя в экстремальной ситуации заставляли многих военнослужащих лезть в пекло боя, не задумываясь о последствиях.

Были ответы и иного содержания. Большинство опрошенных офицеров спецназа признали, что свою дальнейшую карьеру, то есть поступление в академии, получение новых должностей и званий они напрямую связывали с результатами службы в Афганистане. Одна треть военнослужащих срочной службы ответили, что в то время «они считали, что наше участие в этой войне зачтется нам на родине в положительном смысле. Будут какие-то льготы при поступлении в институт, устройстве на работу и т.д.»

Наряду с другими причинами некоторые назвали и чувство опасения перед возможностью каких-либо репрессивных мер по отношению к родственникам, если они будут уклоняться от ведения боевых действий. «Ведь во время Великой Отечественной войны таких примеров было сколько угодно!», - пояснил один из отвечавших.

Кроме того, в ответах встречались и такие понятия, как: «обязательное выполнение приказа», «воинский долг», «месть за погибших и ненависть к моджахедам».

Война - достаточно суровое испытание для человека. В любом случае мир - лучше войны. Казалось бы, люди, испытывавшие на себе ее тяжесть, должны однозначно ненавидеть войну. Однако ответы подавляющего большинства спецназовцев свидетельствуют об обратном: никто из них не жалеет о годах, проведенных в Афганистане. Они не скучают по возможности пострелять по живым мишеням, но их ностальгия по войне связана с особым состоянием психики, имя которому - «афганский синдром».

Человек, подверженный афганскому синдрому, время от времени испытывает острое чувство тоски по годам, проведенным на базе в кругу друзей. Он понимает, что в

одну и ту же реку нельзя войти дважды, но если бы вдруг представилась возможность вернуть былое, он ухватился бы за нее без колебаний. Как правило, таких доверительных отношений, такого спаянного, дружного коллектива, как это было в Афганистане, бывшие спецназовцы лишены дома. При афганском синдроме даже отрицательные моменты — неустроенный быт, минимум развлечений во время досуга, скудное питание, постоянный риск и большие физические и психологические нагрузки во время операций — не только перестают восприниматься как негативные, но и приобретают некую привлекательность, становясь одними из самых ярких переживаний и воспоминаний.

По свидетельству большей части опрошенных «рейнджеров», в первое время после возвращения из Афганистана они, немного отдохнув, но так и не привыкнув к мирной жизни, писали рапорты на имя командования о своем желании вновь отправиться в Афганистан. Рапорты рядовых спецназовцев, находящихся в запасе, командованием не рассматривались, однако офицерам, выразившим такое желание, подобная возможность предоставлялась.

В отличие от большинства других частей 40-й армии, в спецназе существовали более дружеские, доверительные отношения между солдатами и офицерами. Офицеры спецназа наравне со своими подчиненными несли все тяготы службы во время выходов на боевые операции и подвергались точно такому же риску. Они не прятались за спины солдат. В спецназе была невозможна ситуация, которая считалась обычной в других частях, когда во время пеших переходов по горам все снаряжение офицера, все его личные вещи, за исключением оружия, несли бойцы. В группах спецназа офицер не только сам нес весь свой груз, который весил порой 35-40 килограммов, но и брал на свои плечи что-нибудь дополнительное, если возникала необходимость. На операции офицер ел точно такой же паек, что и солдаты, спал в точно таких же условиях. Если подчиненные видели, что их командир обладает высокими профессиональными качествами, бережет людей, не заставляя их понапрасну лезть под пули, готов помочь солдату, то, как правило, в группах складывались очень дружеские отношения, что во многом способствовало выполнению боевых задач.

Конечно, эти отношения мало напоминали лубочные журналистские описания в «Красной Звезде», но в целом в группах спецназа офицер был гораздо ближе к солдатам, чем в остальных частях «ограниченного контингента». Подобный тип взаимоотношений установился не вдруг. Если офицер сразу после училища приходил на должность командира группы, ему приходилось в течение нескольких месяцев зарабатывать авторитет среди подчиненных, многие из которых, прослужив в Афганистане по году и более, знали и умели больше, чем он. Иногда солдаты в таких ситуациях пытались навязать обращение на «ты», продемонстрировать свое превосходство. Офицеры тоже в свою очередь порой вели себя не по-джентльменски, воспитывая нерадивых, на их взгляд, подчиненных. Были случаи, когда офицер прибежал к такому аргументу, как кулак. Однако силовые приемы военных «педагогов» были скорее исключением, чем нормой. По-разному складывались отношения между офицерами и солдатами на почве распределения трофеев. В одних группах принципиальные командиры могли сложить найденные в разгромленном караване магнитофоны, фотоаппараты, часы в одну кучу и проутюжить ее броневиком, в других - офицер закрывал глаза на все случаи стяжательства и мародерства, получая от солдат свою долю.

По свидетельству бывших солдат, в некоторых батальонах существовала своеобразная такса за увольнение в первой партии демобилизованных. Командир роты по-

лучал в дар энное количество бутылок водки, и вопрос решался к обоюдному согласию.

Не случайно дань взималась в виде водки. Среди офицеров существовал строго установленный «водочный этикет». Офицер, прибывший на базу из отпуска или замены кого-нибудь из «старожилов», был обязан выставить водку, чтобы войти в коллектив или отпраздновать свое возвращение на базу после отдыха. При наступлении срока замены, после двух лет службы в Афганистане, этот же офицер устраивал «отходняк», на котором выпивалось сумасшедшее количество алкоголя. Обмывались и другие торжественные случаи. Однако, на операции ни один офицер не позволил бы себе принять хотя бы каплю спиртного.

Непростые отношения складывались между спецназовцами и их командованием, начиная с батальонного звена и выше. По мнению большинства рядовых солдат и офицеров, честно заработавших ордена, «штабные» получали награды за их счет, не принимая непосредственного участия в боевых действиях. Чрезвычайно раздражающе на спецназовцев действовали случаи некомпетентности, безграмотного командования со стороны старших начальников, особенно если в результате погибали люди. Всеобщее негодование вызывали ситуации, когда начальство прилетало на вертолетах в район боевых действий, чтобы набрать для себя лучшее из трофейного имущества. Эти визиты, естественно, происходили после боя. Потребительское отношение старших начальников, которые требовали достать уйму вещей, начиная с удобного импортного полевого обмундирования и кончая деньгами, превратилось в весьма распространенное явление. Почти все опрошенные «рейнджеры» приводили по несколько примеров, иллюстрирующих эту неприглядную сторону войны.

Отношения между людьми на базах тоже были далеки от идеала. В батальонах сложился определенный кодекс поведения, некоторые проявления которого в повседневной жизни могли бы шокировать гражданского человека.

Солдаты, проявлявшие на операциях образцы взаимовыручки, самопожертвования и отваги, могли на базе довольно жестоко избить сослуживца, если тот, по их мнению, нарушил негласные правила кодекса. Чаще всего рукоприкладство, которое называлось «разборками», происходило после возвращения с операции. Например, молодой солдат во время пребывания в горах выпил из резинового резервуара всю воду, предназначавшуюся для группы, или от усталости во время пешего перехода не смог нести свой груз - «сдох», как говорилось в Афганистане, или заснул во время дежурства. Пока группа находилась вне базы, «работая» в горах, его никто не трогал, но стоило ей вернуться домой, провинившийся подвергался жестокому разбору. Нравы были суровые - в духе окружающей обстановки.

Однозначно жестоко наказывались трусость, малодушие, доносительство. Вместе с тем по части неустанных отношений в виде мордобоя или издевательств над личностью спецназу было очень далеко до большинства других подразделений, находившихся в Афганистане. Это можно объяснить тем, что группы спецназа в виду своей малочисленности были очень слаженными коллективами, так как антагонистические отношения между дюжиной людей, а именно столько человек обычно насчитывала одна группа, не позволяли бы ей успешно действовать. Большая часть времени у спецназовцев проходила на операциях. На базе они находились гораздо меньше, чем в горах. В этот промежуток времени все старались выпастаться, отдохнуть и подготовиться к очередному выходу.

Самый большой процент неуставных отношений в 40-й армии приходился на тыловые части, которые постоянно сидели в пунктах дислокации или выходили с них на неболь-

шие промежутки времени. В группах спецназа дело дальше «разборок» по конкретным вопросам не шло. Чрезвычайно редко происходили столкновения на национальной, религиозной почве или из-за личных антипатий. Разница в различных сроках службы, которая определяет отношения между солдатами повсюду в вооруженных силах, также не играла особой роли в подразделениях спецназа.

Жестокие нравы во многом зависели от социального состава военнослужащих спецназа. На основании анкетирования можно сделать вывод, что до 85-90% рядовых и сержантов были выходцами из рабочих и крестьянских семей. Многие воспитывались в распавшихся и неблагополучных семьях. Откуда тут взяться хорошему тону! При отборе в части спецназначения требовались хорошее физическое развитие, выносливость, быстрая реакция и в последнюю очередь аттестат о среднем образовании. Однако, как бы неудачно не складывались отношения между солдатами в спецназе, каждый из них был в полной уверенности, что если он будет ранен, его вынесут из-под огня в любом случае.

Среди военнослужащих срочной службы, особенно среди выходцев из республик Средней Азии, существовала наркомания. Она не была так сильно развита, как в большинстве других частей «ограниченного контингента», где в отдельных ротах и батареях курили чарс до 90% рядовых солдат. В спецназе наркомания в таких масштабах была невозможна, так как в маленьких по количеству людей группах командир мог сразу заметить наркомана и избавиться от него. Кроме того, большие физические нагрузки на операциях являлись лучшим средством естественного отбора. Здоровые оставались, наркоманов сплавляли в пехоту. В основном курили чарс - самый распространенный афганский наркотик. Он был недорог, прост в обращении, и достать его не представлялось сложным делом. Зачастую афганцы бесплатно отдавали его советским военнослужащим. При этом расходы афганцев, будь то торговец в лавке или мальчишка из соседнего кишлака, оплачивались моджахедами. Солдаты предпочитали курить чарс еще и потому, что водка стоила дорого, да и алкогольное опьянение сильнее бросалось в глаза, нежели наркотическое.

Иные офицеры избирали довольно жестокую форму борьбы с заядлыми курильщиками чарса - тушили отобранные сигареты с наркотиками о запястье руки наркомана...

Отвечая на вопрос о досуге, большинство опрошенных признались, что они, будучи на базах, отсыпались при любой возможности. Выбор форм времяпрепровождения разнообразием не отличался: книга, телевизор с одной программой и спортгородок - все развлечения. Если в батальон привозили художественный фильм, то его крутили по несколько раз, чтобы все группы смогли посмотреть картину. Обычно это была «запыленная» копия старого фильма, склеенная по сто раз. Посещение базы артистами из Союза превращалось в грандиозное торжество, сравниться с которым могли лишь спортивные праздники, которые время от времени проводились в батальонах.

Спорту уделялось постоянное внимание. Особой любовью пользовались восточные единоборства и тяжелая атлетика. В спортгородках не только во время утренней зарядки, но и в свободное время можно было увидеть спецназовцев, «работавших» с нунчаками и ножами. Многие усиленно накачивали мускулы, поднимая гири и танковые траки. Обладание мощными бицепсами являлось признаком хорошего тона в среде спецназовцев.

Питание на базах вызывало неоднозначную оценку. Только на операциях «рейнджеры» могли давиться не только сухим пайком, в состав которого входили консервы вполне приличного качества, но и полакомиться свежей бараниной или фруктами. «Революция все спишет», - говорили они, снимая шкуру с овцы, попавшей им в руки. На

самой базе рацион был весьма бедным. Макароны, каша, жиры, которые во время жары просто не лезли в глотку, были неизменными компонентами питания. Качество и разнообразие продовольствия становились хуже и беднее по мере времени, прошедшего со дня прибытия на базу транспортно-партизанской колонны. Перед приходом следующей колонны иногда приходилось, как говорится в русской поговорке, зубы класть на полку. И солдаты, и офицеры однозначно не были удовлетворены тем, как было организовано их снабжение. Особенно плохим было питание солдат. Именно поэтому на операции они при первом же удобном случае очищали сады аборигенов и умыкали у них баранов. Солдаты знали, что на базе их никто не накормит свежим мясом и помидорами.

Главным удовольствием на базе считался поход в баню, хотя внешне банные постройки имели самый неприятный вид. Чаще всего это были землянки, состоящие из нескольких помещений с небольшими подслеповатыми оконцами. Немного выгоднее смотрелись и другие постройки базы. Десяток модулей, деревянные будки туалетов и рукомойников, несколько сборных железных конструкций под складские нужды, автопарк и вертолетная площадка - все за двойным рядом колючей проволоки. Картину завершали минные поля, со всех сторон окружавшие базу, и невысокий земляной ров с позициями для стрелков по всему периметру ее территории.

Несмотря на спартанские условия жизни, спецназовцы быстро привыкли к своему «дому» и, возвращаясь с боевых действий, неизменно громко кричали «ура», когда их бронемшины въезжали на КПП базы. Они проезжали мимо самодельных обелисков и памятных знаков в честь погибших сослуживцев. Их строили прочно, ведь никто не знал, как долго продлится эта война, как долго им предстоит еще нести службу в Афганистане.

На базах успело смениться по 2-3 состава батальонов спецназа, и новые люди приходили на обжитые места. База воспринималась ими как кусочек родной территории во враждебном окружении. Ведь база была единственным местом, где они могли не думать об опасности, расслабиться, отложить в сторону оружие. На базах их ждали друзья и письма из дома. Жизнь на базе спецназа не отнесешь к приятному времяпровождению, но многие бывшие спецназовцы с ностальгией вспоминают свою службу в Афганистане, уносясь мысленно в былые времена...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Опыт боевых действий в Афганистане убедительно показал, что в советских вооруженных силах накануне

вторжения в эту страну не существовало подразделений, предназначенных исключительно для ведения антипартизанской войны. Это лишний раз доказывает, что при планировании операции по вводу войск Генштабом был сделан довольно поверхностный прогноз дальнейшего развития событий в Афганистане. По всей видимости, вооруженная оппозиция в лице моджахедов не воспринималась в качестве серьезного противника. По воспоминаниям военного советника Катинаса, маршал Сергей Соколов накануне свержения Амина так охарактеризовал моджахедов: «Что могут сделать эти мужики в широких штанах против такой силы?» Подобное мнение было весьма распространено среди высшего руководства советских вооруженных сил.

Только столкнувшись с мощью «джихада», советское командование кардинально изменило свою первоначальную точку зрения. Роль по выполнению функций специальных антипартизанских подразделений была возложена на спецназ, который имел совершенно иное предназначение. Парадокс ситуации заключался в том, что настольными книгами моджахедов были пособия, написанные на основе лекционных материалов и воспоминаний таких признанных мастеров партизанской войны, как Вершигора, Медведев и Федоров, прославившихся во время второй мировой войны.

Спецназу на себе в определенной мере пришлось испытать богатый опыт отечественных партизан - переработанный и приспособленный к азиатским условиям. Части спецназначения довольно быстро превратились в эффективную силу, которая противостояла моджахедам. Однако и спецназовцам, за спинами которых была целая армия, усиленная большим количеством авиации, не удалось нанести решительного поражения исламским партизанам. В Афганистане повторилась ситуация, в которую попадали в различное время наполеоновские войска в Испании, немецкие в России и Югославии и американские во Вьетнаме. Подавить партизанское движение, имеющее широкое признание и поддержку среди местного населения, практически невозможно. Операции, проведенные спецназом против моджахедов, достойны изучения в стенах военных академий. Однако следует помнить и главный урок афганской кампании: С НАРОДОМ ВОЕВАТЬ НЕЛЬЗЯ. К сожалению, урок этот стоил армии немалых жертв.

В советском обществе того времени, когда шла война в Афганистане, за редчайшим исключением никто открыто не выступал против этой явно несправедливой войны. Теперь все точки над «i» расставлены...

Роль Советского Союза оценивается однозначно негативно. Более того, в последние годы наряду с высшим военно-политическим руководством во всех мыслимых грехах обвиняются и рядовые участники этой войны. На самом же деле их единственная «вина» заключается в том, что именно они, а не другие, были направлены служить в Афганистан. Наше нынешнее общественное мнение не является исключением из правил. Америка тоже прошла путь от премирования тех, кто воевал во Вьетнаме, до возведения мемориальной стены со скорбным списком в более чем 58 тысяч фамилий американцев, погибших во вьетнамской войне. Наши соотечественники, отдавшие жизнь на земле Афганистана, честно выполняли свой воинский долг и остались верными присяге.

Да, война была несправедливой для советской стороны, но эти молодые в большинстве своем парни в военной форме защищали на ней те идеалы, которые исповедовало наше общество в то время. Они сами в первую очередь стали жертвами политики, проводимой тогдашним правительством СССР. Остается надеяться, что их смерть послужит предостережением и для политиков, и для общества. Именно поэтому мы обязаны помнить об этих людях и чтить их память.

БОРТОВОЙ НОМЕР — ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ!

Уважаемый читатель, в твоих руках юбилейный номер «Интернационалиста» — двадцать пятый!

По традиции юбилейных торжеств я, редактор журнала, расскажу о прошедшем периоде: о рождении «Интернационалиста», о его первых шагах и ситуации в настоящее время. То есть, изложу на твой суд своего рода краткий отчет о поставленных три года назад задачах, их выполнении или невыполнении. Конечно же, я скажу и несколько слов о перспективах журнала.

Итак, в 2005 году увидел свет первый номер журнала «Интернационалист»...

Я хорошо помню май месяц, и удивление председателя Харьковского городского союза ветеранов Афганистана (ХГСВА) Виктора Коваленко от высокой расчетной себестоимости издания. Я также прекрасно помню его крик в трубку телефона, когда он увидел 23 августа первый отпечатанный журнал (цитата разговора приведена в соответствии с Законом о печати, а традиционное в телевизоре «Пи-и-и» здесь не уместно): «Николай, это полный абзац! Ты — профи! Журнал — супер!..»

В памяти всплывают харьковские «афганцы» и гости нашего города, которые собрались у гостиницы «Харьков» на гала-концерт фестиваля «Солдаты мира XXI столетия» и внимательно рассматривали пахнущий свежей типографской краской «Интернационалист». Многие скептически улыбались: «Ну, и на сколько хватит городского союза выпускать такой журнал? Через месяц либо нечего будет печатать, либо денег не будет...». Так или иначе, говорили и думали многие. Этого же мнения, например, придерживался и Владимир Джура, автор статьи о двадцатом номере «Интернационалиста». В 2008 году он был рад, что ошибся тогда. И я полностью с ним солидарен.

Да, за прошедший период времени были и радость, и огорчение, но... в твоих руках, 25-й номер.

Эта статья, уважаемый читатель, может случайно тебя или кого-то другого обидеть. Но я никого не хочу обижать. Я просто надеюсь, что она даст тебе еще один повод задуматься, ведь «Интернационалист» является отражением жизнедеятельности Харьковского городского союза воинов-интернационалистов, а, в общем, и всего общественного ветеранского движения.

Листая страницы журнала и просматривая материалы наших авторов, каждый читатель может самостоятельно сделать выводы о ситуации в ветеранском движении, о проблемах участников боевых действий, инвалидов и семей погибших. А в большем масштабе (так как мы живем в Украине) можно без прикрас увидеть ситуацию в нашей стране с точки зрения ветеранов различных войн.

А теперь — правда, и только правда. То есть, отчет.

Размещенное на первой полосе первого номера пожелания председателя Украинского союза ветеранов Афганистана (УСВА) Сергея Червонопиского сбылись — «Интернационалист» получил всеукраинское

и международное признание участников боевых действий. Об этом свидетельствуют письма в редакцию из многих городов Украины, из стран ближнего и дальнего зарубежья...

Прежде чем писать эту статью, я перечитал презентационную статью редколлегии первого номера «Интернационалиста», и сейчас хочу напомнить о наших планах и сказать о том, что из них удалось воплотить в жизнь, и что не удалось.

Стараниями Виктора Коваленко и благодаря постоянной поддержке наших меценатов-«афганцев», о которых я скажу позже, журнал выходил регулярно, за исключением нескольких летних месяцев. Что поделаешь? Лето! Меценаты тоже должны отдыхать!

Специальных выпусков не было, приложений — тоже. Темы для этого были, но, как я уже говорил, себестоимость журнала высокая, а с деньгами на добрые дела в нашей стране пока что дефицит.

Оформление и содержание журнала понемногу менялось (на мой взгляд, в лучшую сторону), но тематика оставалась неизменной. Может хорошо, а может и нет, судить тебе, читатель, но «Интернационалист» — по-прежнему бесплатное издание. Он не стал коммерческим. Рекламные материалы из-за специфики журнала не прижились на его страницах, а, следовательно, и денег от рекламодателей, благодаря которым живет любой периодический полиграфический продукт, не поступало.

Темы материалов менялись от номера к номеру, но остались неизменными статьи о наиболее значимых событиях в жизни ХГСВА, рубрики «Помним и скорбим», «Один из нас», «Афганская война», «Поиск однополчан» и другие. У некоторых рубрик появились постоянные авторы и ведущие. Рубрика «Наследники» почему-то «не пошла», зато появились статьи и фотографии от членов молодежной организации ХГСВА «Из

прошлого в будущее». Кстати, благодаря им — детям воинов-интернационалистов — в Интернете появился наш сайт.

Из-за «обилия юмора» в нашей повседневной жизни убрана рубрика «Отдыхай, шурави». Также мы не получили ни одного серьезного материала на конкурс «Я — наследник интернационалиста». Не было в журнале и объявлений об имеющихся вакансиях на предприятиях, владельцами или руководителями которых являются участники боевых действий на территории других государств.

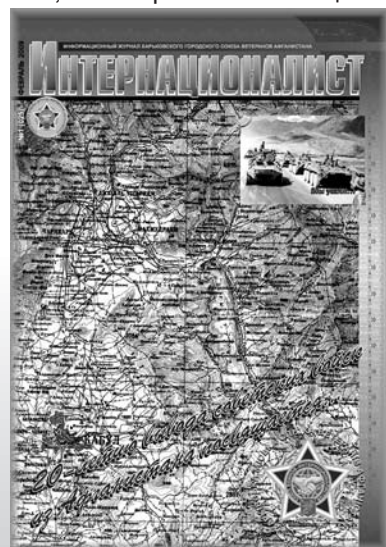
Зато интервью для нашего журнала дали руководители области и города, городских управлений и районных подразделений, а также Консул Российской Федерации. Нам удалось установить прочный деловой контакт с Управлением труда и социальной защиты населения Харькова, благодаря чему появилась постоянная рубрика «Социальная защита», а социальный проект «Журнал «Интернационалист» в 2007 году получил небольшой грант на оплату типографских услуг.

Информация областных организаций УСВА, районных, городских поселковых объединений «афганцев», а также лично от воинов-интернационалистов, членов семей погибших, инвалидов и других граждан, не имеющих отношения к прошедшим нами войнам, с лихвой наполняет редакционный запасник. Огромное спасибо всем, кто присылает письма, статьи, фотографии и книги в адрес редакции и ХГСВА!

Рассылка в районные ветеранские организации Харьковской области также налажена. Но ни спасибо, ни пожалуйста, ни статей о своих делах-проблемах районные организации УСВА Харьковской области (за редким исключением) нам не присылают.

Как и было запланировано, каждый номер журнала передается в органы власти различных уровней, на предприятия и в организации, в учебные заведения, библиотеки и музеи, а также бесплатно рассылается во все областные организации УСВА и другие ветеранские организации Украины, нашим боевым побратимам из России, Беларуси, Прибалтики, Израиля и США.

Без лишней скромности нужно отметить, что, благодаря презентабельному виду и серьезному содержанию, «Интернационалист» занимает почетное место в кабинетах руководителей различных государственных, коммерческих и общественных структур. А многие читатели бережно хранят дома подшивки всех вышедших в свет номеров журнала...

Исходя из вышеизложенного, я считаю, что журнал ХГСВА полностью выполняет свою информационно-пропагандистскую функцию, как на территории города Харькова, так и далеко за его границами.

В основном по финансовым причинам «Интернациона-

лист» пока не достиг уровня российского журнала «Боевое братство», но по-прежнему является единственным журналом воинов-интернационалистов в Украине. Это, с одной стороны, радует, а с другой — удручает: неужели только в Харькове есть меценаты-«афганцы», которые могут длительное время финансово поддерживать серьезные, реально нужные нашей стране (в первую очередь: детям и молодежи) проекты? Например, издание информационных продуктов высокого качества в областных центрах Украины могли бы хоть частично устранить «искривления» школьных учебников истории.

Благотворительная помощь ветеранов и читателей, направленная на расчетный счет ХГСВА для издания журнала, является единственным постоянным источником оплаты полиграфических работ. Поэтому я искренне благодарен за рождение «Интернационалиста» и его постоянную поддержку лично: Виктору Коваленко, Александру Счисленку, Василию Хоме, Александру Саратову, Борису Третьяку, Александру Светличному, Ивану Мусиенко, Александру Кривоконю, Виталию Калиновскому и другим бескорыстным уважаемым людям.

Спасибо за финансовую помощь руководителям и членам общественных организаций, в том числе: Бурлукскому СВА, Песочинскому СВА.

Отдельное спасибо Управлению труда и социальной защиты населения Харькова — всем его сотрудникам и лично руководителю Светлане Александровне Горбуновой-Рубан — за многостороннюю помощь и поддержку городского союза воинов-интернационалистов, в целом, и журнала «Интернационалист», в частности.

Спасибо всем нашим авторам, корреспондентам и читателям!

Приношу глубокие извинения, если я о ком-то не сказал!

В завершение статьи коснусь перспектив «Интернационалиста».

Благополучно пройдя стадию проекта, журнал родился и выжил. Он признан обществом, и поистине ему нужен. То есть, можно было бы расслабиться и спокойно работать над очередным номером. Но...

Любой печатный продукт должен развиваться и совершенствоваться, быть актуальным и злободневным. Иначе его ждет потеря интереса читателей и приемный пункт макулатуры.

Сегодня у «Интернационалиста» есть реальные перспективы для развития, у редакции накоплен большой объем ждущих свой черед авторских материалов, у редактора еще есть запас альтруизма, а у команды ХГСВА есть интересные идеи...

Извини, читатель, но конкретизировать идеи не стану до момента их воплощения в реальность. Ты сам все увидишь на страницах следующих выпусков «Интернационалиста»...

Как долго может жить информационный журнал ХГСВА?

Отвечу: до тех пор, пока его читателей волнует вопрос: «Когда же выйдет следующий номер?»

С глубоким уважением ко всем читающим эту статью

Николай Хорошев

В течение всего 2008 года коллектив Харьковского городского союза ветеранов Афганистана оказывал максимальное внимание инвалидам I группы. И самым главным в этой работе мы считаем встречи с боевых побратимов... На представленных фотографиях запечатлены именно такие моменты...

Фоторепортаж подготовлен пресс-службой ХТСВА